
БЮРО
ПОТЕРЯННЫХ
КЛЯТВ
Roman M.

Roman M.
Бюро потерянных клятв

https://litres.ru/74722623
SelfPub; 2026

Аннотация

Мира Вель помогает людям освобождаться от старых клятв. Она умеет читать мелкий шрифт, находить забытые условия и возвращать клиентам право распоряжаться собственной жизнью. Но однажды в её бюро приходит мужчина с брачной меткой на запястье. Такая же метка появляется у Миры.

Согласно записи, они женаты. Ни она, ни следователь Адриан Рейн не помнят этой свадьбы.

До возвращения закрытых воспоминаний остаётся семь суток. В их деле исчезают документы, чужие жалобы ведут к давней аварии, а предложение просто расторгнуть брак оказывается слишком удобным. Чтобы разобраться в прошлом, Мире придётся довериться человеку, которого она уже однажды выбрала — и забыла.

Но подпись под клятвой ещё не отвечает на главный вопрос: захотят ли они остаться вместе, когда узнают правду?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	62
Глава 6	78
Глава 7	94
Глава 8	110
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Roman M.
Бюро потерянных клятв

Глава 1

Обещание покойной

— Если я продам печь по кирпичу, это будет считаться?

Господин Таль положил на стол ножницы. На одном лезвии запеклась кровь.

Я придвинула к нему чистую тряпицу.

— Сначала покажите руку.

— Я спрашивал о печи.

— А я пока отвечаю о руке. Печь потерпит.

Он стянул перчатку зубами. От основания большого пальца к запястью тянулся неглубокий порез. Нить над ним была цела — серая, чуть толще волоса. Таль попробовал зацепить её ногтём, и я накрыла его пальцы тряпицей.

— Больше не надо. Вы только порежетесь.

— Дважды резал. Она обратно срастается.

— Это метка. Сама клятва у вас в футляре.

Он сердито посмотрел на деревянный пенал, принесённый в полотенце. Потом на ножницы. Ножницам он явно доверял больше.

За окном грузчики поднимали с пристани бочки. На каждой ступени Рыбной лестницы тележка подпрыгивала, и в моём шкафу дребезжало стекло.

— Откройте, пожалуйста, — сказала я.

Таль развернул полотенце. На дереве остались белые полосы от его пальцев. В пенале лежали сложенный лист и льняная нить, пропущенная через два оттиска. Один был красным, второй, заверительский, потемнел до бурого.

Я не стала вынимать лист сразу. Сдвинула лампу, осмотрела края воска через лупу, затем поддела бумагу костяной лопаточкой. Угол, скрытый под печатью, был жирным и прозрачным.

Я развернула лист.

Под обязательством шли подписи, описание печи и перечень условий.

— «Я, Освин Таль, обязуюсь не продавать и не отдавать принадлежащую мне хлебную печь на Медной улице, дом восемь, пока моя жена Берта Таль выпекает в ней хлеб для продажи».

— Ну вот, — сказал он.

— Что — вот?

— Не продавать.

Я ещё раз прочла конец предложения, про себя.

— Ваша жена умерла когда?

— В феврале.

— Примите мои соболезнования.

Он кивнул, глядя на свои перчатки. Одна была аккуратно сложена, другая мокла под тряпицей.

— Вы сами читали договор в последнее время?

— Знаю я, что обещал.

— Господин Таль, здесь написано, до каких пор.

Он поднял глаза.

Я повернула лист и указала на строчку лопаточкой. Палец к старым чернилам я не подпускала даже собственный.

Таль склонился. Прочёл. Потом ещё раз, медленно шевеля губами.

— То есть можно?

— Сначала нужно отметить окончание обязательства. Для этого потребуются свидетельство о смерти и этот подлинник. Если печь всё ещё ваша и договор не меняли, основание есть.

— Не меняли.

— Я подготовлю заявление. С ним пойдёте к заверителю. Пока отметка не внесена, продажу не подписывайте.

Он сел глубже, сдвинув стул к стене. На досках остались мокрые следы его сапог. Таль спросил:

— А если всё-таки по кирпичу?

Я отложила лопаточку.

— Зачем?

— Покупатель на целую нашёлся. У него пекарня за Верхним мостом. Разберёт, увезёт. Хорошая печь. Ещё послужит.

— Тогда зачем вам продавать её по кирпичу?

Он пожал плечами.

Я посмотрела на описание залога внизу страницы. Обычно там стояли короткие сухие слова: «первый день ученичества», «празднование совершеннолетия», «рождение дочери». Здесь написали подробнее.

«Утро открытия пекарни на Медной улице, когда Берта Таль вынесла первую партию хлеба».

Я прочла это вслух.

Таль немедленно забрал у меня лист. Не грубо, но так быстро, что угол выскользнул из-под лопаточки.

— Она тогда всю первую партию сожгла, — сказал он. — Верх хороший, а снизу уголь. Мы скоблили ножом. Дверь уже отперли, люди идут, а мы скоблим.

Я ждала.

— Она смеялась. Я злой был: деньги кончились, дрова в долг. Говорю, чего смеёшься? А она ещё пуще. У неё лицо всё в саже было. Тут, — он показал себе на подбородок, — и тут.

Таль положил договор обратно, но руку с листа не убрал.

— Если продадите после правильного закрытия, это утро останется с вами, — сказала я.

Снаружи тележка опять ударилась о ступень. Таль вздрогнул.

— Я не из-за воспоминания.

— Хорошо.

— Просто обещал.

Я пододвинула ему лист так, чтобы он ещё раз увидел

строчку под своим пальцем.

— Здесь есть и её подпись. Она согласилась именно на эти условия.

Долго было слышно только, как дождь шуршит по вывеске. Потом Таль убрал руку.

— Подготовьте.

Я достала бланк. Он назвал дату смерти, имя заверителя, номер дома. Когда я спросила, кто будет подавать заявление, сказал, что сам. Дочь у него жила далеко, беспокоить её он не хотел.

Пока я писала, он рассматривал приёмную: три стула, шкаф, часы, латунную табличку с моим именем. Под моим именем было написано: «Разбор заверенных обязательств».

— У вас-то муж есть? — спросил он.

— Нет.

— Значит, не знаете.

Я опустила перо в чернильницу чуть глубже, чем следовало.

За полчаса до этого он пришёл с окровавленными ножницами. Теперь, перевязанный, собирался учить меня жизни.

— Подпись здесь, — сказала я.

Он внимательно прочитал бланк. На этот раз целиком.

Когда на часах у пристани начали бить шесть, я придерживала лист левой рукой, чтобы он не сдвигался под пером. На третьем ударе запястье кольнуло под манжетой. Я отдёрнула руку и задела локтем открытый ящик.

— Что? — спросил Таль.

— Ничего. Продолжайте.

Боль прошла. В ящике стояли иглы для расплетения старых носителей; я решила, что зацепилась за одну из них. Проверять при клиенте не стала.

За разбор я взяла обычную плату. Таль пересчитал медь и добавил один грош за перевязку.

Он завернул подлинник, убрал заявление за пазуху и вышел. Ножницы остались на столе. Я догнала его у двери, но он покачал головой.

— Выбросьте.

Я дождалась, пока он спустится к пристани, и положила ножницы на полку. После чистки ими ещё можно было резать бумагу.

* * *

Лида пришла через заднюю дверь, как раз когда я мыла руки. Она держала под мышкой бухгалтерскую книгу, а в свободной руке — бумажный свёрток.

— Видела твоего последнего. Чуть не ушёл без шапки.

— Вернула?

— Она у него на голове была. Он ощупывал карманы.

Лида положила свёрток возле чайника. Внутри оказались две булочки, обе смятые с одного бока.

— Не смотри так. Мне их за работу дали.

— За переплёт?

— За терпение. За переплёт я взяла серебром.

Новый корешок книги был тёмно-зелёным. Я провела пальцем по шву.

— Дай высохнуть до утра, — предупредила Лида. — И не ставь рядом с чайником.

Мы ели стоя, над столом с просушенными заявлениями.

— Как запястье? — спросила Лида.

Я поймала себя на том, что тру манжету.

— Зацепилась.

На коже не было крови. Чуть ниже складки виднелась бледная полоска. Я провела по ней мокрым пальцем. Полоска осталась.

— Нитку из рукава выдерни, — сказала Лида. — У тебя там подкладка распускается.

Я подвернула манжету наружу. Раздражение почти не ощущалось.

— Ты завтра к хозяйке пойдёшь? — спросила я.

— Если она ещё раз скажет, что бумага много места занимает, предложу ей сдавать мастерскую воздуху. Он платит аккуратно и не пользуется лестницей.

Я заплатила за переплёт. Лида спрятала монеты, смахнула крошки в ведро и застёгнула пальто.

После её ухода я сложила ножницы параллельно краю полки, протёрла лопаточку, закрыла чернила. Дождь усилился. На улице стало так темно, что в окне отражались только лампа и моё лицо над ней.

Домой идти было недалеко: запереть приёмную и под-

няться по внутренней лестнице. Наверху ждали холодная спальня и недочитанная книга, в которой до свадьбы оставалось двенадцать страниц. Я надеялась, что автор успеет справиться.

В семь постучали.

* * *

За дверью стоял мужчина без зонта. На воротнике его тёмного пальто собрались капли; волосы у висков намокли, но шляпу он держал в руке. На ступени у его ног натекла маленькая лужа.

— Госпожа Вель?

— Приём закончен.

— Мне нужно только понять, что это.

Он поднял левую руку. Манжета была расстёгнута. В свете из приёмной я увидела тонкую нить вокруг запястья и маленький восковой оттиск у самого пульса.

— Болит?

— Нет.

— Кровь была?

— Нет.

Я посмотрела на часы. Потом снова на оттиск.

— Входите. Пальто повесьте над поддоном.

Он подчинился. Под пальто оказался обычный серый сюртук, без ведомственной вышивки. Мужчина задержался у вешалки и окинул взглядом дверную коробку. Дотронулся до пластины над замком: она отставала от дерева.

— Не держит? — спросил он.

— Держит. Стул вон там.

Он выбрал тот, с которого была видна дверь.

Я зажгла вторую лампу и поставила на стол бархатную подставку для руки.

— Имя?

— Адриан Рейн.

Я записала его в журнал.

— Когда появилась?

— В шесть. Били часы.

Перо остановилось.

— На пристани?

— У Палаты. Я выходил со службы.

— Вы там работаете?

Он вынул удостоверение и раскрыл его на столе. Я прочла имя ещё раз, затем должность: следователь договорного надзора. Печать была свежей, края бумаги — потёртыми.

Я отодвинула журнал от его локтя.

— Вы пришли по службе?

— Нет.

— Тогда уберите это, пожалуйста.

Он закрыл удостоверение.

— Я показал, потому что вы спросили.

— Я спросила, где вы работаете. Осмотр стоит отдельно.

— Сколько?

Я назвала цену. Он положил деньги возле журнала и до-

ждался, пока я пересчитаю.

— Подлинник с собой?

— Нет.

— Дома?

— Не знаю, где он.

Я подняла голову.

— Вы знаете, какое обязательство принимали?

— Я ничего не принимал.

Однажды клиент забыл клятву, которую дал у меня на глазах во вторник, и в пятницу потребовал вернуть плату. Но Рейн не торговался. Сидел ровно, оставив руку на подставке, и следил за инструментами.

— Разрешаете осмотр метки? Без вмешательства в обязательство.

— Да.

Я придвинула лампу.

Оттиск был размером с чечевичное зерно. Воск — светлый, почти белый. На нём просматривались два замкнутых овала, между ними короткая поперечная черта. Я повернула лупу, убрала блик.

Брачная регистрация.

Я встречала такие метки нечасто. Большинство людей обходилось записью у городского писца: в совместной жизни и без заверенного залога было чем друг друга обидеть.

— Вам знаком этот знак? — спросила я.

— Да.

— И вы не женаты?

— Нет.

— Были прежде?

— Нет.

Я взглянула на него. Старый шрам возле левой брови, усталая складка у рта. Лжёт он или нет, я определить не могла.

— Господин Рейн, одним взглядом у порога тут не обойтись. Мне понадобится оттиск для чтения открытой записи. Полных условий он не покажет.

— А участников?

— Если они не закрыты.

Я достала из ящика плоскую медную пластину. На одном конце был выгравирован номер моего разрешения, на другом — выемка для свежего воска. Соседняя ячейка оставалась пустой: при сопоставлении туда ставили второй оттиск.

Я смягчила воск над лампой и нанесла на выемку. Удерживая руку Рейна за край манжеты, прижала к воску его маленькую печать. Он не пошевелился. Пальцы у него были тёплые; мои всё ещё мёрзли после мытья.

Оттиск вышел чётким.

Я опустила пластину в рамку, подвела под стекло. На металле проступили короткие штрихи — края букв. Когда я повернула винт, из них сложилось имя:

«Адриан Рейн».

Ниже лежал второй ряд. Закрытый. Не размазанный, не

стёртый — именно закрытый: восковые перемычки оставались ровными, без следов ножа. Я показала их Рейну.

— Видите? Это не повреждение. Второго участника нельзя прочесть с вашей метки обычным способом.

— Почему?

— Без подлинника не скажу.

Он выдохнул через нос. Впервые за весь разговор повернул голову к двери.

— Можно хотя бы определить, когда её наложили?

— Попробую снять внешний слой записи. Руку пока оставьте.

Я сменила стекло и придержала рамку левой ладонью. Манжета зацепилась за винт. Я высвободила ткань — и на долю секунды увидела у себя над запястьем такой же светлый воск.

Я замерла.

Рейн заметил.

— Что случилось?

— Подождите.

Я осторожно закатала рукав выше. Бледная полоска, которую я приняла за след от подкладки, замыкалась вокруг руки. Под ней, ближе к ладони, лежала крохотная печать. До этого её закрывал сборчатый край манжеты.

Два овала. Черта между ними.

Нить на руке Рейна натянулась над кожей. Моя ответила коротким движением, словно кто-то потянул её изнутри ру-

кава.

Я сняла ладонь с рамки.

— Не трогайте стол, — сказала я.

Он сразу убрал свободную руку.

Я проверила подставку и пластину. Никаких посторонних нитей. Оттиск Таля я не снимала; его договор он унёс с собой.

— Это у вас было раньше? — спросил Рейн.

— Нет.

— Когда вы заметили?

Я не ответила сразу. Шесть ударов. Перо в руке Таля. Короткий укол под манжетой.

Мне хотелось отойти от стола, вымыть руки ещё раз, снять платье с этой нелепой подкладкой. Вместо этого я выровняла журнал по краю промокательной бумаги.

— В шесть, — сказала я.

Рейн посмотрел на мои пальцы.

Я потянулась за чистой пластиной.

— Ту не убирайте, — сказал он.

Я вскинула голову.

— Я её не убираю. Проверю на второй.

Он сразу кивнул и больше ничего не трогал. Лицо почти не изменилось, но я поняла: он тоже испугался.

На новой пластине я сняла оба оттиска. Сначала его. Потом свой. Воск лёг неровно: рука дрожала, пришлось переделать. Я убрала испорченный слепок в блюдце, чтобы не спу-

тать с новым.

Когда оба оттиска оказались под стеклом, перемычки на его записи разошлись.

Перемычки раскрывались одна за другой. При подтверждённом совпадении участников я видела это не раз: тот же порядок движений, расстояние между рядами, маленькая засечка справа.

Теперь строчек было две.

Рейн не стал тянуть пластину к себе.

— Что там?

Я подняла стекло, протёрла его чистой тряпицей и опустила снова. Буквы остались прежними.

— Второе имя, — сказала я.

— Чьё?

Под его именем стояло моё.

Мира Вель.

Глава 2

Две подписи

— Моё, — сказала я.

Рейн подался вперёд, но не встал.

Я развернула рамку к нему. Теперь надпись оказалась вверх ногами для меня, и от этого стало чуть легче: две строки на медной пластине, которые предстояло прочесть другому человеку.

Он читал долго.

— Вы уверены, что прибор исправен?

В другое время я бы обиделась.

— Нет. Поэтому повторим.

Я вымыла лопаточку, взяла воск из новой коробки и пустую пластину. Рейн наблюдал за каждым движением.

Новый оттиск дал тот же результат. Я поменяла наши метки местами. Его имя оказалось в нижней строке, моё — в верхней. Между ними проступил номер, которого при первом чтении я не заметила: Б-4186.

Я переписала номер. Рейн достал маленькую книжку и тоже записал его.

— Где вы получили моё имя? — спросила я.

— В смысле?

— Вы пришли сюда. Выбрали именно мою дверь.

— Спросил у аптекаря на Нижней набережной, кто ещё принимает вечером. Он назвал вас и мастера на Кожевенном дворе. До вас ближе.

— Как зовут аптекаря?

— Не знаю. Пожилой. Правая рука перевязана, вместо него сдачу отсчитывал мальчик.

Я знала их обоих. Но и Рейн мог знать.

Он выждал, пока я закончу писать.

— Теперь я спрошу. Вы могли получить мою метку раньше сегодняшнего вечера?

— Нет.

— Чужие оттиски хранятся здесь?

— Хранятся. Вашего среди них нет.

Я потянулась к шкафу и остановилась. Клиенты не давали мне права показывать их дела следователю.

— Вы не будете просматривать остальные дела, — сказала я.

— Я не просил.

Он отвёл взгляд от шкафа.

Мы сидели по разные стороны стола, оба с перьями в руках. Я положила своё первой.

— Пока мы знаем только, что две метки ссылаются на одну регистрацию. Этого мало, чтобы считать её подлинной.

— А если подлинная?

— Тогда нужен договор.

— Вы можете её снять?

За его плечом, на полке, лежали ножницы Таля. Я посмотрела на них и сразу отвела глаза.

— Без условий не стану. Мы даже не знаем, что будет считаться нарушением.

Рейн кивнул. Я приготовилась к спору и с облегчением поняла, что его не будет.

Я подписала время и порядок меток на обороте пластин. Испорченный слепок тоже оставила.

— Один образец я хотел бы забрать, — сказал Рейн.

— Два останутся у меня.

Он согласился. Я завернула его пластину в плотную бумагу и подписала конверт. Рейн вынул удостоверение, положил рядом и расписался на моей квитанции о получении.

— В Палате есть ночной дежурный? — спросила я.

— Есть. Но картотека откроется утром. Дежурный примет обращение и положит в лоток.

— А если попросить как следователь?

Он убрал удостоверение.

— Я следователь и есть. Но дело моё собственное. Это придётся указать.

Мне понравилось, что ему самому это не нравилось.

— Утром я подам запрос на регистрационную карточку, — продолжил он. — Номер у нас есть. Имя второго участника и место хранения обычно дают сразу. Для закрытых условий потребуется отдельное разрешение.

— Обоих участников, — сказала я.

— Что?

— Запрос будет от обоих. И ответ принесёте сюда нераспечатанным.

Он посмотрел на мой конверт у себя в руке.

— Вы можете пойти со мной.

Я посмотрела на расписание приёмов. Утром могли прийти клиенты, ещё и Таль собирался принести свидетельство.

— Придёте к половине девятого, — сказала я. — Составим здесь. Утренний приём я пока не отменяю.

Рейн поднялся. Я тоже встала, раньше, чем собиралась, и упёрлась коленом в ящик.

Он заметил, но не предложил мне сесть.

У двери я вдруг спросила:

— У вас кто-нибудь есть?

Он замер с пальто на плечах.

— Я не о браке, — добавила я. — Женщина, которой это придётся объяснять.

— Нет.

Я кивнула слишком быстро.

— А у вас?

— Тоже нет.

Он продел руку в рукав, осторожно, чтобы не задеть печать.

— До утра, госпожа Вель.

— До утра.

Я заперла за ним дверь и проверила засов. Потом дёрнула

ручку ещё раз.

* * *

Наверху я убрала с кровати недочитанную книгу и достала сундук с личными бумагами.

Ни писем от Адриана Рейна, ни его фамилии на конвертах. Договор с хозяйкой был подписан мной одной. В расходах значились уголь, масло, хлеб, сапожник. Два года жизни помещались в небольшую стопку. За более раннее время бумаг было гораздо меньше.

Я давно знала, где начинается эта редкая, неровная часть моего прошлого. Помнила экзамен у Эстер, поездку к тётке. Дальше целые месяцы оставались неясными.

Врач говорил, что после того случая на шлюзе такое бывает. Не велел подолгу заставлять себя вспоминать. От усилия начинала болеть голова, а яснее не становилось.

Я даже не знала, были ли когда-нибудь в сундуке бумаги, которых теперь не хватало.

На одном старом листке была моя подпись, совсем не похожая на нынешнюю. Я поставила её, когда получила разрешение работать без надзора наставника. Фамилия убегала вверх, последняя буква заканчивалась длинным хвостом. Сейчас я писала плотнее и почти без росчерка — мало места в журналах.

Я отложила разрешение отдельно.

Перед сном я вымыла руки. Метка осталась. Пробовать ногтём не стала.

В половине восьмого спустилась в бюро, вскипятила воду и открыла ставни. Дождь кончился. На ступенях Рыбной лестницы стояли лужи, грузчик выметал из-под колёс мокрые листья.

Первой пришла Лида.

Она поставила на стол пустую жестяную банку.

— Клей вернёшь?

Я достала банку из нижнего ящика. Лида уже собиралась уйти, когда я закатала рукав.

Она посмотрела на метку. Потом на меня. Опять на метку.

— Вчера это была нитка, — сказала она.

— Вчера я тоже так думала.

Я рассказала ей о Рейне и двух именах на пластине.

Лида выслушала, не перебивая. Потом придвинула к себе стул и села.

— Ты его раньше видела?

— Не помню.

Я хотела сказать «нет», как вчера. Слово не вышло.

— Тебе плохо?

— Пока не знаю.

Лида убрала банку, отодвинула грязную чашку и подтолкнула ко мне чайник.

— Что нужно сделать?

— Если придёт Таль, попроси зайти после полудня. И не рассказывай никому.

— Не расскажу, — сказала она. — Но ты, если что, стучи

в стену. Я услышу.

* * *

Рейн пришёл на пять минут раньше. Лида открыла ему и задержалась у двери, пропуская его только после того, как он назвал себя. Он принёс не цветы и не объяснение, а два бланка запроса и лист промокательной бумаги. Я испытала облегчение.

— Это Лида Сенн, моя соседка, — сказала я. — Она знает о вчерашнем.

Рейн поклонился. Лида ответила кивком и ушла в мастерскую с двумя банками.

Я села напротив него.

— Я проверил свои бумаги, — сказал Рейн. — Брачного свидетельства нет. Я живу один, квартиру снимаю третий год. Хозяин помнит меня с момента въезда.

— И до этого?

— До этого служебные комнаты.

Он разгладил бланк.

— Там тоже никто не видел мою жену.

Я не спросила, скольких людей он успел поднять с постели.

В запросе он указал номер регистрации, время появления меток и наши имена. Отдельной строкой вписал: «Обращаюсь как участник обязательства». Под ней оставил место для моей подписи.

— Почему здесь нет названия вашего отдела?

— Оно будет в сопроводительном листе. Я подаю через служебную канцелярию, чтобы карточку нашли сегодня. Но изучать собственное дело как проверяющий я не могу.

Он повернул ко мне второй лист. Там стояло то же самое, с указанием должности. Я прочла оба от начала до конца.

— Будут знать, что речь о вас, — сказала я.

— Да.

— И обо мне.

— Без этого нам не дадут даже выписку.

Я поставила подпись. Рейн подписался следом. Наши фамилии, впервые оказавшись рядом на бумаге, выглядели совершенно обыкновенно. Я даже разозлилась на это.

Он ушёл с запросом. Я приняла двоих клиентов, закрыла дверь и снова прочла оставленную мне копию. В графе «Предмет обращения» Рейн написал: «Установление обстоятельств регистрации». Ни «ошибка», ни «подлог».

Мне хотелось, чтобы он написал «подлог».

Около одиннадцати в дверь просунулась Лида.

— Твой пекарь приходил. Я сказала после полудня. Он оставил хлеб.

Она положила свёрток возле остывшего чайника. От хлеба ещё шёл тёплый запах.

Рейн вернулся к полудню и отдал мне конверт, не садясь.

На клапане лежала целая печать канцелярии. Снизу — время выдачи: одиннадцать часов сорок минут. До бюро от Палаты было двадцать минут быстрым шагом.

Я разрезала конверт ножом для бумаги.

Внутри лежали ответ на запрос, заверенная копия регистрационной карточки на тонкой бумаге и лист с правилами доступа. Я сперва взяла ответ, но взгляд зацепился за подписи на карточке.

Две.

Они находились точно там, где и должны: под строкой о добровольном принятии, над знаком заверителя. Не набранные писцом имена. Рукописные росчерки, перенесённые с карточки вместе с потёком чернил у поля.

Я достала разрешение, которое нашла ночью.

— Что это? — спросил Рейн.

— Моя старая подпись.

Я положила листы рядом. Взяла лупу, хотя всё было видно и без неё.

Фамилия на брачной карточке тоже шла вверх. Соединение двух последних букв, лишний короткий штрих перед росчерком — я знала их. Они получались, когда торопилась и не успевала поднять перо.

Рейн подвинул своё удостоверение к карточке. Его подписи различались наклоном, но линия под фамилией на обеих заканчивалась одним и тем же острым крючком.

— Можно скопировать, — сказал он.

— Можно.

— Смотрите здесь. — Он указал на край копии. — Копия заверена сегодня. Это подтверждает, что она совпадает

с карточкой. Не то, что сама карточка верна.

Я знала. Слышать это всё равно было необходимо.

Дата регистрации стояла выше подписей. Три года и три месяца назад.

Внизу, у знака заверителя, было имя Эстер Ноль.

Я убрала лупу.

— Вы её знаете? — спросил Рейн.

— Она меня учила.

— Где её найти?

— Она уехала. Я давно её не видела.

— Есть адрес?

— Старый. Другого не оставила.

Я провела пальцем по пустому краю листа, стараясь не задеть подпись. Эстер заставляла меня переписывать заключения, если я оставляла хоть одну двусмысленную фразу. Она не стала бы заверять брак двух людей, которые не понимают, что делают.

Если, конечно, это действительно её знак.

— Госпожа Вель.

Рейн не повышал голоса. Я посмотрела на него.

— Здесь есть ещё один номер.

На обороте карточки было указано, что подлинник передан на совместное хранение с закрытым актом З-73. Дата передачи — почти три года назад. Ни содержания акта, ни описания вложений.

Я взяла ответ канцелярии.

«Метки, указанные в обращении, являются уведомительными. Дата и час их проявления соответствуют зарегистрированному условию заблаговременного извещения».

Ниже стоял срок: семь суток с момента проявления. Окончание — в восемнадцать часов через шесть дней от сегодняшнего.

— До чего? — спросила я.

Рейн наклонился к листу.

«По истечении установленного срока производится освобождение залога и передача заверенной записи получателю».

Я дочитала до конца. Потом перевернула лист — оборот был пустым.

— Какого залога?

— Здесь не написано.

— И кому передача?

— Тоже нет.

Моя рука лежала на столе рядом с его удостоверением. Я подтянула манжету, чтобы он не видел, как двигается тонкая полоска над кожей. Она почти не двигалась. Это дрожала я.

— У вас бывали провалы памяти? — спросила я.

Он выпрямился.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что иначе нам нужно искать другую причину, по которой двое взрослых людей не помнят собственных подписей.

Рейн посмотрел на карточку. Я ждала, приготовившись к

отказу.

— Бывали, — сказал он наконец. — Несколько лет назад. После ранения.

Его пальцы не поднялись к шраму, но я всё равно взглянула туда.

— Лечащий врач сказал, что со временем пройдёт. Не всё прошло.

— У меня тоже, — сказала я.

В комнате стало тихо. Из соседней мастерской донёсся ровный скрип пресса: Лида затягивала винт. Я слышала этот звук каждый день и впервые была ей за него благодарна.

— Об этом нет ни слова в запросе, — сказал Рейн.

— Я знаю.

— Пока не стоит дописывать.

— Почему?

Он коснулся края карточки.

— Если запись ложная, мы сами подскажем, как объяснить несовпадение. Сначала посмотрим то, что уже есть.

Я согласилась: мне самой не хотелось заносить этот разговор в ведомственный журнал.

Я раскрыла правила доступа. За копией доступной части дела предлагалось явиться в приёмную Палаты с документами обоих участников. Полный подлинник хранился отдельно. Заявления о прекращении обязательств, связанных с закрытым актом, принимались только после проверки их условий.

— То есть снять сейчас нельзя, — сказала я.

— Можно подать заявление. Но это не значит, что его исполнят.

Он вытащил из конверта ещё один сложенный лист, который пристал к внутренней стороне. Бланк прекращения. В канцелярии привыкли снабжать обращающихся всем необходимым заранее.

Место для подписи было большим и удобным.

Я развернула бланк полностью и отложила в сторону.

— Не будем.

Рейн посмотрел на меня.

— Пока не прочтём договор, — добавила я. — Ни снимать, ни менять. Моей метки это тоже касается.

Он сложил бланк, не вписав ни буквы.

Я достала новый лист. Нужно было записать, куда мы пойдём, что возьмём с собой и кто сохранит копии. Обычная работа. Я умела её делать даже сейчас.

Рейн убрал удостоверение, а карточку оставил посередине стола.

Только тогда я заметила последнюю строку на ответе канцелярии. Она была отпечатана мельче остальных, под временем выдачи.

«Копия обращения направлена председателю Палаты Северину Далю».

— Это обязательно? — спросила я.

Рейн прочёл.

— Для некоторых закрытых дел — да.

Он сказал это спокойно. Я ещё раз посмотрела на две наши подписи, потом на пустой бланк прекращения.

Кто-то в Палате уже знал о нашем браке больше, чем мы.

Глава 3

Условия сотрудничества

Первым я написала: «Никто не отвечает за другого».

Рейн прочёл через стол.

— Если нас спросят, когда появились метки, мне ждать, пока вы ответите за себя?

Я зачеркнула строчку.

Он молча подвинул мне промокательную бумагу. Я промокнула жирное пятно и начала снова: «Никто не принимает обязательств от имени другого без его согласия».

— Это договор?

— Записка. Без заверителя, без воска, без залога. Если передумаете, скажете мне, и на этом всё.

— Вы тоже.

Я кивнула.

Мы добавили, что каждый получает копию найденного документа и заранее знает о запросах, в которых упоминается его имя. Спорить полагалось до подачи, а не после ответа. Последнее предложил Рейн.

— И сведения, которые найдём, — сказала я. — Не только бумаги.

Он немного подумал.

— Если они касаются дела.

Я оставила эту оговорку.

Следующей строкой я написала: «Брачная регистрация до проверки не даёт нам права распоряжаться жизнью друг друга».

Рейн прочёл и сразу вернул лист.

— Возражений нет.

Я почему-то ожидала хотя бы вопроса.

— Я остаюсь у себя, вы у себя, — добавила я. — Ключи от бюро нужны только мне.

— Разумеется.

Мы подписали записку, каждый забрал свой экземпляр. Я сунула свой в карман платья и только тогда поняла, что с утра ничего не ела.

Хлеб Таля лежал у чайника. Я отрезала два ломтя. Один подвинула Рейну, второй взяла себе. Масла не было, нож пришлось вытереть краем полотенца.

— Перед выходом дождёмся пекаря, — сказала я. — Он уже дважды приходил.

— Приёмная работает до четырёх.

Я посмотрела на часы. Половина первого.

— Успеем.

Рейн снял пальто и сел у окна. Пока мы ждали, я несколько раз взглянула на часы.

Таль пришёл через десять минут. Свидетельство о смерти было сложено вчетверо и завёрнуто в тот же кусок полотна, что вчерашний договор. Я сверила имя, дату, печать,

прикрепила копию к заявлению и написала адрес заверителя, который принимал после обеда.

— Он закроет? — спросил Таль.

— Проверит подлинник и отметит окончание. Вы возьмите всё сразу.

Он убрал бумаги. На Рейна почти не взглянул.

— Хлеб не горелый, — сказал он мне на прощание. — Сегодня удачный.

Я проводила его до двери. Когда вернулась, Рейн стоял возле стола, держа пальто в руках.

— У вас есть сумка, которая закрывается?

— Для чего?

— Чтобы бумаги не промокли по дороге.

Я уже набрала воздуха для ответа и тут заметила, что за окном снова идёт дождь.

* * *

Палату я знала снаружи. Иногда приносила в её приёмную ходатайства клиентов, но в помещения за внутренней дверью меня никогда не звали.

У канала Рейн держался со стороны проезжей части и шёл слишком быстро. На повороте он оглянулся и сократил шаг.

Перед Палатой меняли ступени. Посетители стояли в очереди у бокового входа.

Рейн помедлил возле служебной двери. Привратник узнал его и уже взялся за ручку.

— Со мной участница дела, — сказал Рейн. — Мы в об-

щую приёмную.

Привратник отпустил ручку.

Внутри пахло мокрым сукном, нагретым воском и чернилами. Над стойкой висели три таблички: «Выдача», «Исправления», «Прекращение». У последней было больше всего людей.

Мы встали у первой. Мальчик перед нами считал лужицы от зонтов. На сорока двух сбился и начал заново.

— Рейн?

За перегородкой появился молодой мужчина с папкой под мышкой. Он улыбнулся Адриану, потом посмотрел на меня.

— Ты сегодня не у себя?

— По личному делу.

— А мне сказали, тебя с утра ищут.

Рейн убрал руки за спину.

— Кто?

— Не знаю. В канцелярии. Я только слышал фамилию.

Мужчина посмотрел на меня. Рейн не представил. Знакомый пожелал нам хорошего дня и ушёл.

— Это из-за запроса? — спросила я.

— Возможно. Узнаю после.

Когда очередь дошла до нас, служащая взяла ответ канцелярии и удостоверения. Номер Б-4186 она переписала в журнал, затем сверилась с отдельной тетрадью.

— Вам в комнату осмотра. Второй коридор, дверь восемь.

В коридоре он уступил мне дорогу.

* * *

В восьмой комнате стояли стол и три стула. Окно выходило в каменный колодец двора. В печи потрескивали дрова, но от пола тянуло холодом.

Нас принял пожилой хранитель с жёлтым пятном на манжете. На столе перед ним лежала узкая папка, перевязанная тесьмой. Он проверил наши имена и выдал два листка с обязательством не повреждать предоставленные бумаги.

Мы подписали.

— Подлинник брачной клятвы? — спросил Рейн, когда хранитель потянулся к папке.

— Нет. Открытая часть дела хранения. К подлиннику доступ отдельный, вы получили правила.

— Нам нужны условия, которые касаются нас.

— Я выдам то, что разрешено к осмотру. Если чего-то не хватит, подадите ходатайство.

Он положил папку между нами и развязал тесёмки.

Первым листом оказалась регистрационная карточка — такая же, как полученная утром. Далее шли перечень приложений, уведомление о перемещении подлинника и бланк учёта выданных вкладчикам копий. Четыре пронумерованных листа.

В четвёртом зияло прямоугольное окно.

Я увидела через него бурый картон обложки. Нижний край бумаги был ровным, верхний чуть косил; в одном углу остался надрез, уходивший дальше вырезанного участка.

Рейн наклонился ко мне, и я почувствовала запах сырой шерсти от его рукава. Мы оба смотрели в отверстие.

— Здесь так и было? — спросила я.

Хранитель придвинул очки к глазам.

— Повреждённый лист. Старое дело.

— Это не пятно и не разрыв. Его вырезали.

— Возможно.

— Есть отметка об изъятии?

Он забрал папку и проверил внутреннюю сторону обложки. Потом посмотрел в перечень приложений.

— Нет.

— Тогда запишите, пожалуйста, что мы получили лист в таком виде.

Он посмотрел на Рейна. Тот ничего не сказал, только подвинул папку обратно ко мне.

Хранитель достал чистый бланк.

Пока он заполнял акт, я читала то, что осталось. Вверху страницы стояло «Выдача личных копий». Ниже — номер З-73. По сторонам отверстия торчали обрывки линий, когда-то разделявших графы. Слева сохранились начала двух строк: «Вель М.» и «Рейн А.». Справа от первой — последние буквы слова, которое я не смогла восстановить.

— Нам выдавали копии, — сказала я.

— Или собирались выдать, — ответил Рейн. — Расписки вырезаны.

Внизу уцелела дата. Та же, что на уведомлении о передаче

подлинника в хранилище.

Я потянулась перевернуть лист, и от сгиба отделилась узкая полоска бумаги. Она упала на стол между моими руками.

Хранитель тут же привстал.

— Не трогайте.

Я отдёрнула пальцы.

Он осторожно поднял полоску за угол. На ней тянулся след клея, один край был подвёрнут. Под снятым слоем корешка осталось чуть более светлое место.

— Это не я оторвала, — сказала я.

— Я видел.

Впервые он ответил без раздражения. Положил полоску на отдельный лист и вписал ещё несколько слов в акт.

Рейн попросил показать обратную сторону четвёртого листа. Хранитель перевернул его сам.

По сгибу шёл ряд маленьких отверстий. Часть совпадала с нынешней прошивкой, часть оставалась свободной. У самой обложки лежала старая узкая кромка — бумажный обрубок, на который и был наклеен лист.

— Его переподшивали? — спросила я.

— Вероятно.

— Когда?

Хранитель ещё раз проверил обложку.

— Здесь не указано.

— Кто готовил папку к выдаче? — спросил Рейн. Голос у него стал ровнее, тише.

— Я получил её из отдела хранения сегодня в двенадцать двадцать. В закрытом пакете. Моя обязанность — проверить количество листов. Их четыре, как в описи.

Он назвал это слишком быстро и прикрыл ладонью свою подпись в акте.

— Мы не говорим, что вы что-то сделали, — сказала я. — Мы хотим знать, когда это случилось.

Хранитель положил перо.

— В акте будет время, когда вы увидели повреждение. Больше я подтвердить не могу.

Рейн кивнул.

— Этого достаточно для начала.

Я прочла остальные страницы. На второй было перечислено, что приняли на хранение: подлинник Б-4186, закрытый акт З-73, две личные описи и заверенная запись. На третьей — время поступления. Ни условий брака, ни описания залога. Зато внизу стояла подпись Эстер.

Каждый новый лист подтверждал существование следующего, которого нам не показывали.

— Я хочу копии всех четырёх страниц, — сказала я. — И акта о повреждении.

— Это платно.

Я достала кошелёк.

— И вот эту полоску для исследования переплётчиком.

Хранитель посмотрел так, будто я попросила разрешения унести дверную ручку.

— Часть дела не выдаётся.

— Можно оформить её как отделившийся материал при акте, — сказал Рейн. — На ответственное хранение, с обязательством предъявить по требованию. Если правила вашей комнаты это позволяют.

Хранитель достал из ящика книжку и долго проверял правила.

— Нужна подпись заявителя и опись вложения. Не вскрывать без отметки, не уничтожать.

— Подпишу, — сказала я.

Рейн не потянулся за пером раньше меня.

Пока мы ждали копии, хранитель убрал полоску в маленький конверт. На лицевой стороне указал номер дела, лист и обстоятельства отделения. Запечатал собственной печатью. Я расписалась за получение и записала его фамилию: Берн.

Когда он принёс документы, я проверила каждый лист. Прямоугольное отверстие на копии было обозначено рамкой и словами «Участок отсутствует». Я попросила добавить размеры. Берн вздохнул, взял линейку и добавил.

До четырёх оставался почти час, когда мы вышли из комнаты.

* * *

Внизу Рейн свернул к служебной лестнице.

— Подождите здесь. Я узнаю, кто выдавал папку.

Я остановилась у стены. Над нами висела табличка «Посторонним вход воспрещён».

Он успел подняться на две ступени, прежде чем заметил, что я не ответила.

— Что?

— Вы сейчас собираетесь спросить о нашем деле. Без меня.

— Я знаю людей в отделе.

— А я нет. Поэтому мне и важно услышать, что они скажут.

Он посмотрел вверх, на площадку, потом на дверь в общую приёмную.

— Вас туда не пропустят.

— Значит, вернёмся к стойке. Или сначала обсудим, что именно вы спросите.

— Хорошо, — сказал он. — Не сегодня.

Он спустился. Мы прошли к выходу, и только на улице он снова заговорил:

— Я не пытался от вас что-то скрыть.

— Я знаю. Вы просто привыкли решать быстрее, чем объяснять.

— Иногда это помогает.

— Сейчас я не успеваю за вами.

Он долго молчал. Мы дошли до моста, прежде чем он спросил:

— Тогда что предлагаете?

Я раскрыла сумку и показала ему запечатанный конверт.

— Сначала выясним, что у нас уже есть. Лида разбирается

в бумаге лучше нас обоих.

— Вы доверяете ей документы?

— Свои — да.

Рейн кивнул. Остаток пути мы шли рядом.

Лида разбирала книгу. На столе лежали стопки страниц, прижатые камнями. Пахло мучным клеем и кожей.

— Мне нужен чистый стол, — сказала я.

— Тогда вам не сюда.

Но она убрала две стопки, протёрла доску и расстелила на ней лист серой бумаги.

Я показала акт. Лида прочла его, проверила печать на конверте и попросила меня записать время вскрытия. Рейн достал часы. Без четверти четыре.

— Подпишите оба, что печать была целой, — сказала она.

Он без возражений вписал время и поставил подпись рядом с моей.

Лида разрезала клапан, высыпала полоску на доску и взяла пинцет. Бумага оказалась шириной с мизинец и длиной в половину ладони. Один край мягко загибался внутрь.

— Откуда она?

Я показала на копии, где был сгиб.

— Лист держался на ней?

— И на старой кромке. Эта отклеилась, когда я повернула страницу.

Лида посмотрела на меня, потом на копию.

— Вы ничего не отрывали?

— Нет. Хранитель видел.

— Хорошо. А что хотите узнать?

— Могло это быть сделано три года назад?

Она не ответила сразу. Подвела лампу и подняла полоску к свету.

— По одному клею точный возраст не назову. Если сырело, он и старый может размягчиться. Но тут накладка из канцелярской бумаги. Для ремонта я такую не взяла бы.

— Почему?

— Ломается на сгибе. И чернила могут перейти на лист.

Она повернула полоску другой стороной. На узком участке возле края виднелся синий штрих.

— Уже перешли, — сказала Лида.

Я наклонилась ближе.

Штрих оказался частью цифры. Рядом проступила ещё одна, но прочесть их было нельзя: печать находилась с внутренней стороны подвёрнутого края.

Лида положила бумагу на стекло и придвинула лампу сзади. Теперь стали видны две строки. Верхняя была печатной, нижняя написана рукой.

— Служебный обрезок, — сказала она. — Кто-то взял ненужный лист.

Рейн встал с другой стороны стола. Я заметила, что он задержал дыхание.

— Не разворачивайте, — попросил он. — Пока не надо.

Лида замерла.

— Можно так прочесть?

— Дай стекло из сумки, — сказала она мне.

Я достала лупу. Лида положила её над полоской, подвинула лампу ещё ближе. Через тонкую бумагу просвечивало «…принято…», ниже — часть даты и три цифры.

— Девять, два, шесть, — прочла я.

Рейн уже вынимал книжку. Из кармашка выпал маленький прямоугольный талон, который он поймал у края стола.

— Это мой входящий номер, — сказал он.

Он положил талон рядом. «Обращение № 926». Ниже сегодняшняя дата и время: девять часов десять минут.

— Номера повторяются? — спросила я.

— Каждый год.

Лида сдвинула стекло к верхнему краю полоски.

Там сохранилась последняя цифра года. Нынешнего. Чуть ниже можно было разобрать число и начало месяца — они совпадали с талоном.

Я потянулась за актом, чтобы записать, и не сразу нашла на столе перо.

— Это от вашего запроса?

— От его внутреннего дубликата, — сказал Рейн. — Нам выдают талон, второй экземпляр остаётся при движении дела.

— Значит, папку чинили сегодня, — сказала я. — Уже после того, как запрос приняли.

Лида поставила лампу на стол. На полоске снова остался

только невнятный синий штрих.

— Вы говорили, под этим листом была старая кромка?

— Да. И два ряда отверстий.

— Отдельный лист вклеили на остаток прежнего. Обычный способ замены. Накладка сегодняшняя; когда вырезали участок, я сказать не могу.

Рейн опустился на стул. В Палате он ни разу не выглядел так устало.

Я достала копию четвёртой страницы с пустой рамкой посередине. Утром мы спросили, где искать наши документы. К полудню из нашего запроса уже сделали подклейку для страницы, которую нам позволили увидеть.

— Запишем только то, что можем доказать, — сказал Рейн.

Я кивнула и придвинула акт.

Сегодня. После девяти десяти.

До нашего прихода.

Глава 4

Первая жалоба

На следующее утро я трижды переставила жестяную коробку с уликой. На столе она мешала работать, в шкафу — думать. Под конец я заперла её в нижний ящик и положила ключ в карман.

Вчера мы с Лидой составили опись, вложили полоску в новый конверт вместе с прежней упаковкой и расписались на сгибе. Рейн получил копию. Бумага с номером нашего запроса больше не лежала открыто среди обрезков кожи и переплётного клея.

От этого мне полегчало ровно настолько, чтобы плохо поспать.

За окном скрипела тележка точильщика. Я открыла ставни, впустила утренний холод и повесила на дверь табличку «Приём». Затем села разбирать счета. Хозяйка дома снова требовала плату.

Первой посетительницей оказалась женщина с мокрым полотняным свёртком. Она заметила лужицу у своих ботинок и шагнула обратно к двери.

— Это с парома. На скамье вода стояла, я не увидела.

Я жестом пригласила её войти.

Она держала свёрток обеими руками. Суставы пальцев

были красными, указательный обмотан ниткой. Так подвязывали треснувшую кожу, когда пластырь мешал шить.

Я принесла полотенце и расстелила его на столе.

— Документы намокли?

— Нет. Я их в промасленную бумагу завернула.

Посетительница развязала узел. Внутри лежала папка, а поверх неё — детская варежка без большого пальца. Женщина поспешно сунула её в карман.

— Хотела по дороге отдать в починку. Всё время забываю.

Последнее слово она произнесла с досадой, которая показалась мне чрезмерной для варежки.

— Как вас зовут?

— Агата Морн. Я по поводу квартиры. Мне сказали, если договор с залогом, лучше сначала к вам.

Она села на самый край стула и разгладила юбку на коленях. Я придвинула чистый лист.

— Что случилось с квартирой?

— С нынешней ничего. Слава воде, сухая. Правда, на четвёртом этаже, но я ещё поднимаюсь. — Она посмотрела на папку. — Я хотела узнать, можно ли дописать одну строчку, прежде чем подписывать.

Агата достала новый бланк. Бумага была дешёвая, с серыми волокнами; внизу помещалась расписка о получении ключей от кладовой. Сверху — ежегодное подтверждение права на льготный наём.

Я пробежала глазами условия. Число жильцов. Отсут-

ствие другого дома в собственности. Срок внесения платы. Обычная канцелярская скука, за которой иногда пряталась беда.

Агата показала ногтём предпоследний абзац.

«Подтверждаю, что претензий, связанных с предоставлением возмещения и переселением, не имею».

— Какую строчку вы хотите дописать?

— Что я этого не помню.

Я подняла голову.

— Самого переселения?

— Почему согласилась. Мне выдали квартиру три года назад. Все говорят: повезло. Наверное, так и есть. Только я нашла вот это.

Из внутреннего кармана папки она вынула узкую квитанцию. Бумага истёрлась на сгибе почти до прозрачности. В верхнем углу стоял штамп моего бюро, старый, с отколотой буквой «р».

Я знала эту квитанционную книжку. Последнюю я использовала до того, как Лида посоветовала заказать нормальные бланки. Корешки хранились где-то в коробках наверху.

«Принято от Агаты Морн за составление жалобы и изготовление двух копий».

Сумма — четыре мелкие серебряные монеты.

Подпись — моя.

Я посмотрела на женщину. Короткие волосы, неровно подстриженные над ушами. Родинка у нижней губы. Ничего.

Она следила за моим лицом с таким вниманием, будто я могла вернуть ей три года одним узнаванием.

— Вы помните, как приходили сюда? — спросила я.

— Нет. Адрес на обороте. Я вчера обошла дом дважды. Думала, узнаю окно или лестницу.

На обороте действительно был написан адрес бюро. Моим почерком, крупнее обычного, чтобы человек мог прочесть при плохом свете.

Ниже, другими чернилами, стояли три слова: «Вторую оставить себе».

— Это вы написали?

Агата кивнула.

— У меня «с» всегда сверху зацеплено. Только второй копии нет. Я искала.

Я положила квитанцию на сухую часть полотенца и повернула папку к себе.

— Давайте начнём с того, что у вас осталось.

* * *

Договор переселения занимал два листа. Первый перечислял имущество: комната с правом пользования кухней, сарай, небольшая мастерская во дворе. Всё находилось в Нижнем шлюзе. Взамен Агата получала право льготного найма двух комнат на Высокой улице и разовую выплату.

— Вы шили дома?

— Да. Теперь тоже, только раскрой на полу. Стол не влез.

Она сказала это без жалобы. Я ещё раз прочитала пере-

чень имущества. Мастерскую оценили дешевле сарая.

Второй лист содержал обязательство освободить прежнее жильё и подтвердить получение выплаты. Через проколы по краю шла тусклая нить, скреплённая остатком восковой печати. Под ней значились номер удостоверения и ссылка на приложение с описанием залога.

Самого приложения не было.

— Вам его выдавали?

— Не знаю. В папке только это. Я её не выбрасывала, даже конверт остался.

Я попросила разрешения поднести договор к лампе.

Печать была белёсой, с мелкими серыми точками. Я поворачивала лист, пока свет не лёг вдоль края. Восковой валик слегка просвечивал; под ним проступало тёмное волокно.

— Что-то не так? — спросила Агата.

— Пока я вижу только неполный комплект.

Я опустила рукав. Под манжетой находилась моя метка: такой же матовый воск, такая же зернистая кромка.

Для обычного залога чаще брали прозрачную смесь — мастер должен был видеть, как легла нить. Белёный воск защищал её от света при долгом хранении. Он не был ни редким, ни запрещённым. Сам по себе он связывал два дела не крепче, чем одинаковая бумага.

Но раньше я видела такую печать несколько раз в год. За последние два дня — на собственном запястье, на руке Рейна и теперь на договоре женщины, которой когда-то соста-

вила жалобу.

Я достала лупу.

— Можно я зарисую печать и перепишу номер? Повреждать ничего не буду.

— Можно. Вы только скажите потом, куда идти.

Рельеф почти стёрся. Сохранился внешний ободок и часть цифры. Другой знак — двойной овал с перемычкой, как на наших метках, — я не нашла. Одинаковым был материал, не оттиск. Я так и записала.

— Что именно вы не помните о прежнем жилье?

Агата потянула нитку на пальце.

— Комнату помню. Соседку помню, она клала сушить рыбу на общий подоконник. У меня дочь маленькая была. Я ставила её в таз на табурет, чтобы купать и не наклоняться. Всё это помню. А потом была вода.

Она замолчала.

Я оставила перо на столе.

— Не нужно торопиться.

— Про воду весь город знает. Я тоже знаю. Знаю, что мы уехали, что жили у сестры. Но если спросить, как выбрались… — Она пожала плечами. — Вещи мокрые помню. Дочка в чужой рубашке. Дальше вроде бы шила занавески сестре. А как подписывала, как получала деньги — нет. В расчётной книжке сумма есть. Я на неё купила кровать.

— После подписания вас осматривал лекарь?

— Да. Сказал: после беды бывает. Велел не мучить себя.

Я смотрела на пустое место в бланке перед собой. Три года назад мне дали очень похожий совет.

— Вы пробовали спрашивать тех, кто был рядом?

— Сестра меня возила к лекарю. В управу со мной не ходила, работала. А дочка тогда маленькая была. Я у неё не выспрашивала. Зачем ей снова про воду?

В её голосе появилась защита, хотя я ни в чём её не обвиняла.

— Не надо заставлять её вспоминать, — сказала я. — Сейчас нам нужны бумаги.

Агата отпустила нитку. На пальце осталась белая полоска.

— Значит, я могу это подписать? Если не помню, то и претензий вроде нет.

— Отсутствие воспоминания не означает, что вам всё возместили. Ваша квитанция показывает: вы обращались за жалобой. Пока мы не знаем, о чём она была, я бы не советовала подтверждать, что спор закрыт.

— А квартира?

Я снова прочитала бланк. Он не обещал немедленного выселения. Он и не обещал, что отказ от одного абзаца пройдёт незаметно.

— До какого числа его нужно сдать?

— До конца недели.

Срок был коротким. Откладывать её дело до окончания нашего я не могла.

— Я помогу написать заявление: сведения о жильцах под-

тверждаете, а ответ по возмещению просите отложить до выдачи полного договора. На вашей копии поставят отметку о приёме. Управа может отказать, но обращение в срок будет подтверждено.

Она посмотрела на мою руку, лежавшую рядом с квитанцией.

— Вы уже помогали мне написать. А я даже не помню, помогло ли.

Я могла сказать, что проверю книги. Что найдём входящий номер. Что копии бывают у получателя, даже если у заявителя они пропали.

Вместо этого я сказала:

— Я тоже не помню вашего первого обращения.

Она не отшатнулась. Только медленно убрала руки с папки.

— Тогда зачем я пришла?

* * *

За стеной ударили по трубе. У соседки опять заедала заслонка печи. Я слышала этот звук каждое утро и впервые позавидовала человеку, который точно знал, что у него сломалось.

— У меня есть пробелы в памяти за тот период, — сказала я. — Я выяснила, что с ними может быть связан отдельный договор. Пока не знаю, связан ли с вашим. Но квитанцию выдал мой кабинет, и подпись моя. Я проверю сохранившиеся записи.

— То есть жалобу вы тоже могли потерять?

— Могла. Не буду говорить вам обратное, пока не посмотрю.

Агата взяла новый бланк. Угол дрожал у неё в пальцах.

— Мне бы просто в эту субботу бельё развесить. В своей квартире. Я не хочу ни с кем судиться.

— Сегодня вам не нужно решать, судиться ли. Нужно получить недостающий лист и не подписать то, в чём вы не уверены.

Она долго смотрела на строчку о претензиях. Потом положила бланк обратно.

— Хорошо. Только не пишите там ничего про мою дочь.

Я отложила лист, на котором начала записывать её рассказ, и достала другой.

— В заявлении будет только договор.

Когда на лестнице послышались шаги, мы уже сверяли адрес. Рейн постучал дважды и остался у двери. Мы договорились, что он зайдёт после утренней службы; я совсем забыла о времени.

Агата повернулась к нему и сразу подтянула папку к себе.

— Приём занят, — сказала я. — Подождёте снаружи?

— Да.

Дверь закрылась. Никаких вопросов о том, сколько ещё.

— Из управы? — спросила Агата.

— Из договорного надзора. Сейчас он здесь по личному делу. Мы вместе пытаемся восстановить документы того же

времени. Я могу попросить его проверить, как лучше подать запрос на приложение. Только с вашего согласия.

— Он будет писать рапорт?

— Я сначала спрошу его об этом при вас.

Она подумала и кивнула.

Я впустила Рейна, представила их друг другу и повторила вопрос. Он не сел, пока Агата не убрала сумку со второго стула.

— Если вы хотите официально обратиться в надзор, понадобится отдельное заявление, — сказал он. — Наш разговор таким заявлением не станет.

— А если я пока не хочу?

— Тогда не подаём.

Агата разрешила ему прочесть договор и новый бланк. Квитанцию я тоже показала, предварительно спросив её. Рейн узнал мою подпись. По тому, как он перевёл взгляд на дату, я поняла: он сопоставил её с нашим закрытым периодом.

— Приложение хранится у заверителя? — спросила я.

— Экземпляр должен быть при подлиннике. Здесь указан отдел переселенческих соглашений Палаты. В запросе лучше перечислить оба: приложение и опись выданных вам документов.

— За это нужно платить? — спросила Агата.

— За копирование могут взять сбор. За сам приём запроса — нет.

Она достала из кармана три монеты, зацепила варежку и вытащила её следом. Я притворилась, что проверяю номер договора, чтобы дать ей время убрать варежку без свидетелей. Рейн посмотрел в окно.

— За сегодняшнее заявление я платы не возьму, — сказала я. — Сначала выясним, что стало с работой, за которую вы уже заплатили.

— А если не найдёте?

— Тогда всё равно не возьму.

Это она приняла. Монеты ушли обратно в карман.

Мы составили два коротких заявления. В одном Агата просила управу принять сведения о составе семьи отдельно от подтверждения отсутствия претензий. В другом — выдать полный комплект переселенческого соглашения, включая описание залога. Ни слова о браке, подменённой странице или наших подозрениях.

Она прочла всё сама, ведя пальцем по строчкам. На слове «приложение» остановилась.

— А что там могло быть со мной сделано?

Я повернула к ней договор.

— Здесь есть ссылка на залог памяти. При заверении должны были описать воспоминание и условия, при которых доступ к нему закрывается. Без этого приложения я не могу определить ни объём залога, ни срок, ни причину ваших пробелов.

— Значит, я могла согласиться забыть?

— Возможно. Возможно, залог должен был закрыться только при нарушении условия. Нужно прочесть приложение.

— Я бы не отдала то, как мы выбрались.

Она сказала это тихо, но так твёрдо, что я перестала записывать.

— Я занесу ваши слова в заметки к делу. С вашего разрешения.

Агата кивнула. Рейн не стал объяснять ей, как ненадёжно человек судит о собственном прошлом. За это я была ему благодарна.

Когда заявления были готовы, я сделала копию квитанции и подробный рисунок печати. Все оригиналы вернула Агате. Её папка снова легла в промасленную бумагу, но теперь сверху появились два аккуратных пакета: один для управы, другой для Палаты.

У двери она задержалась.

— Я вчера думала, вы скажете, что я сама всё подписала и теперь поздно.

— Вы действительно подписали, — сказала я. — Но мы ещё не знаем, что именно.

Она поправила узел и ушла. Я вслушивалась в её шаги, пока они не стихли на лестнице.

* * *

Я отнесла полотенце на кухню и выжала над раковиной. Вода стекала тонкой коричневой струёй. Когда я вернулась,

Рейн стоял у стола, не касаясь оставленных бумаг.

— Можете смотреть, — сказала я. — Она разрешила нам обоим работать с копиями.

Он подвинул к себе рисунок печати.

— Похожий воск?

Я достала одну из наших пластин и положила рядом.

— По виду тот же тип. Для хранения. Точный состав так не определить, да и мастер мог купить его где угодно. Оттиск другой.

— Но ваша квитанция старше договора.

Я села.

Я сравнила даты, ещё когда Агата рассказывала про лекаря. Между ними было девятнадцать дней. Сначала она заплатила за жалобу. Потом подписала переселение с залогом памяти.

— Мы не знаем, на что она жаловалась, — сказала я. — На размер выплаты, на жильё, на что-то до аварии. В квитанции предмет не указан.

— Проверим вашу книгу.

На свой жилой чердак я поднялась одна. Рейн остался в приёмной. Дверь моего жилья была закрыта, и он не спросил о ключе.

В одной из коробок под кроватью лежали старые счета и квитанционные корешки.

Я принесла её вниз, оставив на лестнице дорожку пыли.

Мы искали почти час. У меня затекла шея; Рейн снял сюр-

тук и повесил на спинку стула. На предплечье, ниже закатанного рукава, виднелся старый шрам. Я заметила, что смотрю, и вернулась к цифрам.

Корешок нашёлся между платой за торговое обязательство и разбором наследственного спора. Агата Морн. Четыре монеты. Жалоба, две копии. Номер совпадал.

На обороте стояла моя рабочая помета: «Чистовой текст и обе копии выданы заявительнице. Черновик не хранить — по просьбе».

Я прочла её вслух.

Рейн положил палец на край листа, придерживая загибающийся угол.

— Значит, здесь текста не будет.

— Если я выполнила собственную запись.

Мне было неприятно это говорить. Когда-то человек попросил меня не оставлять у себя его слова. Сейчас мне очень хотелось, чтобы я оказалась небрежной.

Мы всё равно проверили папку за тот месяц. Черновика не нашлось. Корешок подтверждал выдачу подготовленного текста; что случилось с ним дальше, знала только прежняя Агата.

Я переписала запись для неё. Поставила дату сегодняшней проверки и оставила место для подписи при получении.

— Вы ей сказали, что не помните, — произнёс Рейн.

— Она спросила.

— Не сразу.

Я закрыла коробку.

— Было бы легче сначала всё найти, а потом объяснить.

— Да.

Он не добавил, что правильно. Просто подал мне крышку, которую я никак не могла надеть ровно.

Некоторое время мы сидели молча. Из открытого окна тянуло хлебом и речной сыростью. На столе лежала чужая жалоба, от которой остались только две записи о плате. Ещё вчера мне казалось, что страшнее всего — обнаружить брак, которого не помнишь. Теперь я представляла Агату в конторе найма: человека спрашивают, есть ли у него претензии, а он даже не знает, почему однажды решился их предъявить.

Я потянулась за чистым листом и написала сверху её имя.

Ниже — три даты: жалоба, переселенческий договор, сегодняшний приём.

— Пока отдельное дело, — сказала я. — Никаких общих выводов только из-за воска.

— И общие запросы не подаём без неё.

Я кивнула.

В дверь постучали.

Мальчик-посыльный протянул плотный конверт и книгу для подписи. На конверте значились оба наших имени. Под адресом бюро стояла приписка: «Вручить лично».

Я расписалась. Посыльный сразу убежал, перепрыгивая через ступени.

Письмо было коротким. Северин Даль, глава Палаты

клятв, приглашал нас в тот же день к четырём часам для обсуждения запроса № 926. В заключение он сообщал, что видит возможность «ускоренного разрешения возникшего затруднения без лишних расходов для заявителей».

Я передала письмо Рейну. Он прочёл его дважды.

— Пойдём? — спросил он.

Я посмотрела на корешок Агатиной квитанции, потом на закрытый ящик, где лежала полоска бумаги с тем же номером запроса.

— Пойдём. Возьмём копии.

Пока Рейн надевал сюртук, я убрала дело Агаты в отдельную папку. На обложке оставила только имя и номер договора. Приглашение Даля положила поверх наших бумаг.

Впервые за два дня нам предлагали не подождать ответа, а решить всё быстро.

Я проверила, есть ли в сумке чистая бумага. Если нам предложат подписать хоть строчку, я хотела унести её с собой.

Глава 5

Хорошее предложение

Главную лестницу Палаты по-прежнему чинили. Мы вошли через боковую дверь, но за номерком нас не отправили: женщина за стойкой прочла приглашение и сама поднялась проводить. Люди на скамье наблюдали, как мы проходим мимо. Я слишком хорошо помнила вчерашнее ожидание, чтобы наслаждаться этой привилегией.

Верхний этаж пах мастикой и горячей водой. Перед дверью секретарь проверила наши удостоверения и записала имена. Часы на её столе показывали без двух минут четыре.

— Господин председатель ждёт вас.

Северин Даль встал нам навстречу.

Он оказался ниже, чем я представляла. Седина только у висков, жилет без цепочки, чернильное пятно на среднем пальце. В кабинете было тепло. Стол стоял боком к окну, чтобы свет падал слева на бумаги; у стены теснились шкафы с потёртыми ручками. Здесь работали. Мне отчего-то хотелось увидеть место, где только принимали благодарности.

— Госпожа Вель. Господин Рейн. Благодарю, что пришли так быстро.

Он указал на два одинаковых кресла у небольшого стола. Сам сел напротив, оставив письменный стол за спиной.

Я попросила воды. Даль налил три стакана из кувшина и подвинул один ко мне.

— Сожалею, что вам пришлось узнавать о собственном браке таким образом.

Я поставила сумку у ног.

— Мы пока пытаемся установить, что именно зарегистрировано.

— Разумеется. — Он открыл тонкую папку. — Б-4186. И связанное с ним закрытое свидетельство З-73. Ваш запрос, ответ, вчерашняя выдача копий. У меня служебная выписка, не содержимое закрытой записи.

Последнее он сказал до того, как мы успели спросить.

— А акт о повреждении страницы? — произнёс Рейн.

— Тоже здесь.

Даль достал лист и повернул к нам. Я узнала подпись Берна. Оторванная накладка, вырезанный участок, состояние папки при выдаче. Вчера этот лист стоил нам почти часа и четырёх объяснений. Сегодня он уже лежал на столе председателя.

— Я распорядился проверить движение дела. До окончания проверки не хочу делать выводов. В открытых папках бывает и ветхость, и неудачный ремонт. Бывает, к сожалению, самоуправство.

— Лист выдали без середины, — сказала я.

— Да. Поэтому акт и принят. Если обнаружится, что сведения удалили без основания, это будет отдельное наруше-

ние.

Я приготовилась спорить, а он не отрицал очевидного. Заготовленные слова оказались не нужны.

— Оригинал закрытого свидетельства цел? — спросил Рейн.

— По отметкам хранения — да. Открытая папка и подлинник находятся в разных помещениях. Доступ к последнему отражается в журнале хранилища. Запрос на выписку из него можно оформить отдельно.

Даль перевёл взгляд с Рейна на меня.

— Но я пригласил вас не ради проверки наших переплётчиков. У вас есть личная проблема, которую Палата может помочь разрешить.

* * *

Служитель принёс чай и сухое печенье. Даль освободил место на столе, складывая листы ровно, не заглядывая в них: он заранее знал порядок.

Я тоже так делала перед трудным разговором с клиентом.

— Вы живёте раздельно? — спросил он.

— Да, — ответила я.

— Совместное хозяйство сейчас не ведёте?

— Нет.

— И в ближайшее время не собирались менять положение?

Рейн положил ладонь на подлокотник.

— Мы пришли узнать условия зарегистрированных обя-

зательств.

— Я спрашиваю, чтобы предложить подходящую процедуру. Если вы оба хотите прекратить брачную клятву, нет смысла направлять вас по спорному порядку. Взаимное заявление рассматривают быстрее.

— Нам ещё не выдали полный текст, — сказала я.

— Его предъявят перед окончательным подтверждением у подлинника. Сегодня можно начать подготовку. Проверка личностей, согласование доступа, расчёт сборов. Последнее я готов взять на Палату: после вчерашней выдачи это будет справедливо.

Я обхватила стакан. Вода согрелась у меня в руках.

С самого появления метки я хотела именно этого: чтобы кто-нибудь компетентный назвал процедуру, срок и цену. Теперь такой человек сидел напротив и даже цену предлагал убрать. Никаких очередей, новых запросов, ночей с чужим именем под рукавом.

— Что будет с закрытым свидетельством? — спросила я.

— Его тоже можно урегулировать в рамках одного обращения. Иначе после прекращения брачной клятвы самостоятельная запись останется действовать. Вам придётся вернуться к ней отдельно.

Рейн слегка повернулся ко мне. Он тоже услышал слово «самостоятельная».

— Значит, расторжение брака не прекратит её автоматически?

— Нет, — сказал Даль. — Общий регистрационный номер для связи документов не делает их одним обязательством. Именно поэтому мы готовим объединённое заявление.

Он вынул два одинаковых бланка и положил перед нами.

Заголовок обещал «Совместное урегулирование связанных обязательств». Под ним оставили место для имён, номера брачной регистрации и номера закрытой записи. Ниже шли четыре абзаца. Последние строки заканчивались далеко от подписей; между ними можно было вписать целую новую жизнь.

Я прижала верхний угол пальцем.

— Почему запись вообще закрыта? Это залог за нарушение брачной клятвы?

— Судя по виду хранения, нет. Здесь использована процедура защитного депонирования. В неё помещают заверенные свидетельства, а доступ вкладчиков к перечисленным воспоминаниям временно закрывают. Так человек не может раскрыть сведения, если его принуждают к показаниям.

Я убрала руку от стакана.

— Нас могли принуждать?

— Я говорю о назначении процедуры. Зачем её выбрали лично вы, должно следовать из ваших документов. Я не вправе придумывать за вас ответ.

Он говорил почти моими утренними словами. От этого они не стали ложными. Только слушать оказалось неприят-

но.

— Кто может открыть содержимое? — спросил Рейн.

— Произвольно — никто. В том числе я. Условия передачи уже внесены в подлинник. В вашей служебной выписке отражены срок, порядок прекращения и аварийная передача. Самих показаний в ней нет.

— Какая аварийная передача?

Даль достал ещё один лист.

— Если до окончания срока умирает любой из вкладчиков, заверенная копия направляется в независимый Судебный архив. Обычная защитная мера. Свидетельство не должно исчезнуть вместе со свидетелем.

Он произнёс это так же, как говорил о сборах.

Я прочла строку, на которую он указал. Потом ещё раз, уже с начала абзаца. «При смерти любого вкладчика». Не обоих. Достаточно одного.

На листе стояли номер З-73, дата выдачи и печать хранилища. Это была выписка об условиях движения записи. Я проверила нижний край: после текста не было обрыва или ссылки на оборот.

— А хранилище откуда узнает? — спросила я.

— Условие связано с личными метками вкладчиков. Регистратор не решает, запускать его или нет. Он оформляет выдачу, которая уже стала обязательной.

Я посмотрела на свою манжету. До этого утро начиналось с ящика для бумаг и чужой мокрой папки. Теперь выясни-

лось, что за стенами, которых я ещё не видела, лежит документ, ожидающий в том числе моей смерти.

Рейн подвинул стакан ближе ко мне. Я не стала пить.

— Получатель независим от Палаты? — спросил он.

— Судебный архив? Да. Поэтому такие вклады и принимают. Их защищают не только наши внутренние распоряжения.

— Эту выписку мы заберём, — сказала я.

— Она приготовлена для вас.

Даль отпустил край листа. Я сделала на своей бумаге короткую запись: проверить порядок в Судебном архиве. Не потому, что хотела воспользоваться условием. Мне нужно было знать, что оно существует за пределами этого кабинета.

* * *

Я вернулась к бланку.

Первый абзац содержал просьбу прекратить брачную клятву по взаимному согласию. Второй — освободить залоги участников. В третьем говорилось о связанных записях.

«Одновременно отзываем депонированные свидетельства по записи…»

Я дочитала до конца.

«…и разрешаем уничтожение заверенной записи без направления получателю».

Перо лежало рядом с моей рукой. Я отодвинула его к середине стола.

— Зачем здесь уничтожение?

Даль посмотрел на бланк, хотя я была уверена, что он знает каждое слово.

— Это отзыв защитного вклада. При нём память возвращается вам, а депонированная запись прекращает самостоятельное существование. Иначе закрыть всё одним действием невозможно.

— Мы просили объяснить брак.

— И обнаружили дополнительное обязательство. Я предлагаю завершить оба.

— Что мы отзываем?

— Ваши свидетельства, госпожа Вель.

— О чём?

Он выдержал паузу.

— Я уже сказал: содержимого у меня нет.

Я повернула бланк к Рейну. Тот читал медленно, положив палец в начало третьего абзаца. Я впервые видела, чтобы он следил за строкой таким образом. Агата утром делала то же самое.

— Получается, — сказал он, — мы разрешаем уничтожить запись раньше, чем узнаем, для чего её сохранили.

— До подписи у подлинника вам разъяснят условия. Сегодня вы ничего не уничтожаете. Это проект обращения, а не исполненная процедура.

— Но направление процедуры выбираем сегодня, — сказала я.

— Можете не выбирать. Моя обязанность — сообщить о

возможности.

Даль откинулся в кресле. На блюдце возле него лежало нетронутое печенье, разломленное пополам.

— Позвольте спросить прямо. Вы хотите вспомнить?

Я посмотрела на Рейна и сразу отвела глаза.

Хотела ли я? Вернуть подписи к рукам, комнату к адресу, человека к его месту в моей жизни — да. Но вместе с этим вернулось бы и всё, ради чего мы добровольно или не вполне добровольно согласились забыть. Слово «защитное» ничего не объясняло о цене защиты.

— Я хочу понимать, на что соглашаюсь, — ответила я.

— Это разумно. Но неопределённость не всегда уменьшается от количества собранных бумаг. Вы можете провести остаток срока в поисках копий. А можете прийти к подлиннику с готовым совместным решением и вернуть себе доступ к прошлому. Выбор останется за вами обоими.

Он говорил спокойно, не пытаясь торопить нас часами. Часы висели у него за плечом и справлялись сами.

— При отзыве запись уничтожат, а мы будем её помнить, — произнёс Рейн. — Если после этого захотим дать показания заново?

— Сможете обратиться в установленном порядке.

— Но уже без заверенной записи, сделанной тогда.

— Это следствие отзыва.

Даль не спорил и здесь.

Я представила Агату, которая держит в руках квитанцию

вместо собственной жалобы. Четыре монеты доказывали, что когда-то ей понадобилась помощь. О том, что она сказала, они молчали.

Наши воспоминания могли вернуться. Доказательство того, что мы знали три года назад, — исчезнуть с нашего разрешения. Это были две разные вещи. В бланке они стояли рядом, соединённые словом «одновременно».

— У вас есть форма только для прекращения брачной клятвы? — спросила я.

— Да. Но закрытый вклад продолжит действовать до своего срока, если вы не распорядитесь иначе.

— Мы это поняли.

Даль несколько секунд смотрел на меня. Потом поднялся, подошёл к письменному столу и достал из верхнего ящика ещё один лист.

Обычное совместное заявление. Такое я уже видела. Ни слова о свидетельствах.

Он положил его рядом с объединённым бланком.

— Пожалуйста. Только не принимайте моё предложение за попытку лишить вас выбора.

— Для этого нам и нужны оба текста, — сказал Рейн.

* * *

Я попросила разрешения внести вопросы на отдельный лист. Даль кивнул. Я написала номера документов, подчеркнула слово «полный» перед перечнем условий и остановилась.

— Мы хотим ознакомиться с текстами до согласия на отзыв. Как это сделать?

— Подайте заявление об ознакомлении. Его передадут хранителю. У закрытого вклада особый порядок доступа: проверяют личности обоих участников, наличие ограничений, готовят сеанс у подлинника. Я могу поручить секретарю принять его сегодня.

— Это не заявка на отзыв?

— Нет.

Я написала именно это: «Обращение не содержит согласия на отзыв или уничтожение депонированной записи». Рейн прочёл лист и добавил просьбу выдать подтверждение принятия каждому из нас.

Даль смотрел, как мы передаём друг другу перо.

Мы подписали только заявление об ознакомлении. Я перечитала его после подписи.

Даль вызвал секретаря и передал ей заявление для регистрации. Попросил изготовить две копии с отметкой о приёме. Женщина ушла, оставив дверь приоткрытой. Из коридора донёсся звон чайных ложек.

— Вы работали с Эстер Ноль, — сказал Даль.

Я подняла глаза.

Её имя стояло в нашем деле. Для этого вопроса ему не требовалось заглядывать в мою голову.

— Она была моей наставницей.

— По некоторым процедурам у неё были собственные

взгляды. Особенно в части того, насколько подробно нужно предупреждать вкладчиков о последствиях.

— Вы говорите о нарушении?

— Я говорю о сложности восстановления старых обстоятельств. Если будете искать у неё объяснений, учитывайте: составитель тоже может ошибаться.

— Вы знаете, где она сейчас?

— По кадровым сведениям, выбыла. Текущего адреса у меня нет.

Он закрыл свою папку, но ладонь с неё не убрал.

— Госпожа Вель, вам не обязательно защищать каждое решение наставницы, чтобы оставаться хорошим специалистом.

Я посмотрела на гладкую обложку. Хотелось ответить сразу, резко: Эстер объясняла условия лучше любого здешнего служащего. Но я не помнила, что она объяснила мне перед собственной подписью.

— Я сначала прочту документ, — сказала я.

Даль кивнул, словно именно этого и добивался.

Секретарь вернулась с копиями. Я сверила номер приёма и дату. Рейн проверил: согласия на объединённую процедуру к заявлению не подшили.

— Когда ждать ответа? — спросил он.

— По сроку, указанному хранителем. Я отмечу срочность. Но обещать допуск до проверки было бы нечестно.

Я вложила копию в сумку. Затем взяла выписку об ава-

рийной передаче и оба чистых бланка.

— Объединённый тоже? — спросил Даль.

— Я хочу сравнить формулировки без спешки.

— Конечно. Для того он и выдан.

Он встал и проводил нас до двери.

В коридоре оказалось прохладно. Я только здесь заметила, что в кабинете почти не пила и всё время держала стакан в ладонях.

* * *

Мы отошли к набережной. Рейн остановился возле каменного парапета, где не приходилось уступать дорогу тележкам.

Я достала объединённый бланк. Ветер поднял нижний край; Рейн прижал его к камню своим футляром для удостоверения.

— Он даже не стал спорить про уничтожение, — сказала я.

— Ему нужно наше согласие. Спорить с написанным было бы плохим способом его получить.

Я провела ногтём под третьим абзацем, не касаясь чернил.

— Возможно, для него это действительно обычная процедура.

— Возможно.

Рейн не предложил считать Даля преступником на основании приветливости. За это я тоже была благодарна. После кабинета, где на любой вопрос находился ровный ответ, мне

требовалось место, в котором можно не знать.

Я вынула выписку.

— До сегодня я думала, что мы могли просто что-то нарушить. Обещали, не выполнили, потеряли залог. Теперь он говорит, что мы сами спрятали свидетельства от принуждения.

— Он говорит о виде вклада. Зачем мы его использовали, пока неизвестно.

С реки донёсся гудок парома. Рейн убрал футляр, я успела сложить лист до следующего порыва ветра.

— Там, в кабинете, я хотела согласиться, — сказала я.

— До третьего абзаца, — добавила я. — Мне понравилось, что кто-то знает, как всё закончить.

— Мне тоже.

Я ожидала услышать что-нибудь про его обязанность проверять каждую строку. Вместо этого он стоял рядом и смотрел на реку.

— Вы хотите расторгнуть брак? — спросила я.

Вопрос вышел тише, чем я собиралась. Сказать его Далю, среди бланков и сборов, было бы легче.

Рейн повернулся ко мне.

— Я хочу иметь право решить это, когда пойму, что у нас было. Вы можете хотеть иначе.

— Сейчас я хочу, чтобы чужой человек перестал задавать мне вопросы о том, с кем я намерена жить.

— Это уже можно устроить.

Я улыбнулась. Совсем немного, но впервые после кабинета без усилия.

Мы пошли вдоль парапета. У мостика торговали горячими каштанами. Рейн купил маленький бумажный кулёк, предложил мне. Я взяла один и едва не выронила: скорлупа обожгла пальцы.

Он раскрыл кулёк шире, и я бросила каштан обратно. Мы подождали, пока они остынут.

— Сначала проверим защитное условие независимо от Палаты, — сказала я. — Потом найдём полный текст. И никаких объединённых заявлений, пока не знаем, что объединяем.

— Согласен.

— А сегодня?

Рейн достал из кармана сложенный вчетверо лист.

— Есть ещё одна вещь. Я отложил её, пока мы искали бумаги вашей клиентки.

Это была потёртая квитанция с оторванным верхним углом. На обороте я увидела ряд его коротких рабочих помет. Он использовал её как закладку в старой записной книжке.

— Нашёл вчера вечером, когда проверял бумаги за тот год. Плата за комнату. Имени хозяина нет, только номер квитанции и адрес конторы, через которую принимали деньги. Дата приходится на время, которого я не помню.

Я развернула лист к свету. В графе о жильцах стояло: «Двое». Рядом — сумма за месяц. Ничего о браке, ничего

о свидетельствах. Обычная запись о том, что кому-то было где спать.

— Вы тогда снимали комнату?

— До нынешней квартиры я помню только ведомственные комнаты. Плату за них удерживали из жалованья.

Я снова прочла запись в графе жильцов. Моего имени там не было. Вторым жильцом мог быть кто угодно. Но впервые за день след вёл не к ещё одному подписанию, а к месту, где люди когда-то оставляли обувь у двери.

— Контора далеко?

— У Нижней набережной. Если ещё открыта, успеем.

Я вернула ему квитанцию, а бланк Даля убрала глубже в сумку.

— Тогда пойдём узнаем, за какую комнату вы платили.

Глава 6

Комната на двоих

В конторе уже снимали со стены ключи. Человек за прилавком перекладывал их в ящик, каждый на своё место, и недовольно смотрел на нас поверх очков.

— На сегодня всё сдано. Приходите утром.

— Нам нужна старая запись об оплате, — сказал Рейн.

— Тогда тем более утром.

Я положила на прилавок квитанцию.

— Мы не просим искать жильё. Только назвать получателя.

Человек задержал над ящиком большую связку. Посмотрел на бумагу и наконец отложил ключи.

— Это не наёмная контора. Мы принимаем деньги для владельцев, которые не могут ездить в город каждую неделю. Никаких гарантий состояния комнат не даём.

— Это нам подходит, — сказала я.

Он придвинул квитанцию к лампе. Номер сохранился целиком, хотя верхний угол с частью штампа был оторван.

— Ваш платёж?

Рейн показал удостоверение, прикрыв большим пальцем должность.

— Моё имя внизу.

Служащий сравнил фамилию и лицо, вернул удостоверение и полез под прилавок. Нам повезло: старые расчётные книги стояли здесь же, на нижней полке. В Вейре редко избавлялись от бумаги, способной доказать, что деньги уже отданы.

Он открыл нужный год, нашёл страницу и провёл по ней костяной закладкой.

— Орс. Дом смотрителя у малого затвора. Верхняя комната. За месяц, двое жильцов.

— Имя? — спросил Рейн.

— Нелла. Она и сейчас получает через нас. Только комнат больше не сдаёт.

Я почувствовала нелепое разочарование, словно мы пришли проситься на ночлег.

— Номер дома есть?

— Там один дом. От Нижнего моста по берегу до старой насосной, потом через пешеходный настил. Не перепутайте с большим шлюзом, туда вас вечером не пустят.

Он записал путь на обороте рекламного листка и поставил на квитанции карандашную галочку. Я попросила не делать больше отметок. Служащий посмотрел так, будто впервые встретил человека, дорожившего старой распиской сильнее действующих денег.

За поиск он взял две медные монеты. Рейн заплатил. Едва мы вышли, за спиной щёлкнул замок.

На улице я прочла имя ещё раз.

Нелла Орс.

Оно ничего мне не говорило.

* * *

У старой насосной река перестала пахнуть городом. Здесь тянуло мокрым деревом, тиной и железом. Дорожка стала узкой; слева стояли кирпичные стены без окон, справа вода медленно заворачивалась вокруг свай.

Рейн шёл первым, пока хватало места только для одного. На настиле обернулся.

— Здесь доска подаётся.

Я перешагнула тёмный прямоугольник и пошла дальше. Он дождался, когда я окажусь рядом. Ничего знакомого в этой дороге не было. Я успела обидеться и на доску, и на реку: вещи могли бы хотя бы притвориться, что помнят меня.

Дом смотрителя стоял у низкого каменного затвора. На первом этаже горело окно. Под ним на верёвке сушились рабочие рукавицы, каждая с металлической прищепкой на манжете. У стены лежали багор, бухта верёвки и перевёрнутая лодка.

Женщина в стёганой безрукавке проверяла цепь на воротe. Она упёрлась ногой в основание, потянула рычаг, прислушалась. Рейн остановился за несколько шагов, чтобы не мешать.

— Госпожа Орс?

Она оглянулась.

Я увидела обветренное лицо, короткую седую прядь над

ухом и небольшой ожог у подбородка. Женщина посмотрела на Рейна, потом на меня. Рычаг в её руках медленно опустился.

— Всё-таки вдвоём, — сказала она.

Слова были произнесены без вопроса. Я вдруг очень ясно услышала, как под настилом плещет вода.

— Вы нас знаете?

Она перевела взгляд обратно на Рейна.

— А теперь это смешно?

— Нет, — сказала я. — Простите. Мы нашли квитанцию за комнату. В конторе назвали ваше имя.

Рейн достал бумагу. Нелла не потянулась за ней.

— Три года не могли забрать сундук, а сейчас нашли квитанцию.

Я попробовала представить сундук. Любой. Тёмный, светлый, с железными углами. Перед глазами возник только мой ящик для счетов.

— Мы не помним, что жили здесь, — сказал Рейн.

Она отпустила рычаг и вытерла ладони о безрукавку.

— Вы уже один раз объяснили, что меня не знаете.

Рейн застыл.

— Когда?

— Через месяц после того, как уехали. Может, чуть больше. Я пришла в надзор. Вы спускались по лестнице. Я спросила про вещи. Вы сказали: ошиблась человеком, оставьте заявление в приёмной.

Он ничего не ответил.

— Я не оставила, — добавила она. — Хватило заявления моего мужа.

Я могла спросить, что случилось с заявлением. Но она стояла перед нами с почерневшими от цепи руками, и ещё один вопрос сейчас превратил бы её дом в продолжение Палаты.

— У нас обоих закрыта часть памяти, — сказала я. — Мы узнали об этом только недавно. Не о самих пробелах. Об их причине. И пока не обо всём.

Нелла посмотрела на мои руки. Я подняла левую и отодвинула манжету. Печать белела на коже. Она нахмурилась, но не отступила.

— Я в этом не разбираюсь.

— Не прошу верить по метке. Мы хотим посмотреть, что сохранилось.

Она взяла квитанцию у Рейна. Развернула, приблизила к глазам, затем вернула.

— Если вы по службе, через порог не пущу.

— Мы пришли за своими вещами, — сказал он. — Если они действительно наши.

Нелла достала ключ, но прежде проверила цепь ещё раз. Только потом повела нас к дому.

* * *

На кухне было жарко. В печи потрескивали дрова, на плите стояла кастрюля с крышкой, прижатой ложкой. Нелла вымыла руки в тазу и вытерла их длинным полотенцем за две-

рью.

— Садитесь. Только не на тот стул, у него ножка.

Я села на другой. Рейн остался у стены, пока она не выдвинула для него табурет. Над столом висел календарь с загнутыми углами. У окна стояли две банки с рассадой, одна пустая.

Нелла вынула из буфета счётную книгу. Здесь она хранилась между чашками и мешочком с лавровым листом. На обложке отпечатался жирный круг от посуды.

— Сначала бумаги, раз вы иначе не понимаете.

Она листала уверенно, придерживая страницы большим пальцем. Потом подвинула книгу к нам.

Слева были записаны месяцы, справа — суммы. Имя Рейна повторялось несколько раз. Рядом в первой строке стояло моё. Ниже появилась помета «супруги». И отдельно: «Получено за верхнюю комнату. Долга нет».

В книгу был вложен сложенный счёт с обеими нашими подписями под перечнем принятых вещей. Кровать, стол, два стула, умывальник, занавески. Подписи я рассмотрела прежде, чем поняла, что делаю это снова.

Моя буква «В» чуть заходила на линейку. У Рейна последняя черта была короче, чем теперь. Я достала копию нашего запроса и положила рядом. Он тоже наклонился над столом.

— Сначала вы приехали один, — сказала Нелла ему. — Потом госпожа Вель стала оставаться. Платили по-разному: когда через контору, когда мне в руки. Счёт я давала на вас

обоих, вы сами попросили.

— А что значит «супруги»? — спросила я.

Она посмотрела на меня с усталостью.

— Что вы сказали, что поженились. До этого я писала фамилии. После тоже могла писать, конечно. Мне без разницы, лишь бы за комнату платили.

Я прочла дату счёта. После дня, указанного в брачной регистрации. До передачи закрытого свидетельства.

Эта женщина не принесла нужные бумаги в моё бюро. Мы пришли к ней с номером чужой конторы, застали за работой, и теперь она показывала книгу, в которой рядом с нами числились починка водостока и купленная соль.

— Можно переписать? — спросила я.

— Переписывайте. Саму книгу не отдам.

— Мы не просим.

Пока я записывала даты и суммы, Рейн спросил:

— Мы сказали, когда вернёмся?

— Через несколько дней. Вы оплатили остаток месяца, госпожа Вель попросила сложить то, что останется, в сундук. Потом я сдала комнату другим. Сундук убрала наверх, где сухо. Вы не пришли.

— Почему вы его сохранили?

— А что мне было с ним делать? Продать чужие рубашки? — Она накрыла ладонью счётную книгу. — После разговора в надзоре я решила: не хотите иметь со мной дела, и ладно. Но вещи ваши. Я никому не обещала их выбросить.

Рейн посмотрел на неё.

— Я не помню той встречи на лестнице. Но вы пришли за ответом, а я отправил вас прочь. Мне жаль.

Она подняла голову, словно он произнёс что-то неуместное.

— Я три года думала, вы притворились.

— Понимаю.

— Нет. Не понимаете. Я после этого мимо вашего здания на другую сторону переходила.

Он не стал повторять извинение. Я дописала последнюю сумму и положила перо. В кухне было слышно, как крышка кастрюли постукивает о ложку.

Нелла поднялась и уменьшила огонь.

— Есть будете?

Мы оба не сразу ответили.

— Я спросила про еду, — сказала она. — Не про то, верю ли вам.

— Будем, — ответила я.

* * *

Суп оказался густым, с перловкой и кусочками репы. Нелла поставила перед нами миски и отрезала хлеб. Сама ела стоя у плиты, время от времени поглядывая в окно на затвор.

Мне хотелось, чтобы первая ложка что-нибудь вернула. Запах, голос, вечер за этим столом. Суп был просто горячим и немного пересоленным.

— Вы раньше тоже нас кормили? — спросила я.

— Иногда. Обычно готовили наверху, у вас плитка была. Господин Рейн однажды спустился за солью и ушёл с моим ковшом. Вернул через два дня.

— Я извинился? — спросил он.

— Ковш вычистили. Это лучше.

Он опустил голову к миске. Я не сразу поняла, что он улыбается.

Нелла доела и убрала свою ложку.

— Почему вы уверены, что память закрыта, а не просто больны?

Я объяснила про зарегистрированную запись и сегодняшнюю выписку. Не показала бланк отзыва и не стала пересказывать дело Агаты. Нелла слушала, сложив руки на животе.

— И вспомнить можно?

— Мы ищем полный договор. Без него я не знаю, что именно вернётся.

— А меня вы тогда спрашивать зачем приехали? Если всё на бумаге.

Я поставила миску на стол.

— На бумаге нет того, как мы здесь жили.

Она посмотрела на нас обоих. Долго, словно наконец сравнивала с теми людьми, которых помнила сама.

— Спали мало. Работали много. Вы, — она кивнула мне, — всё пытались заставить его есть вовремя. Хотя сами могли забыть. На столе наверху лежали бумаги. Я их не читала. Вы просили не убирать.

— К нам приходили? — спросил Рейн.

— Приходили. Вы же не взаперти сидели.

— Кто?

Нелла сразу отвела взгляд.

— Имена я без них называть не буду.

— Хорошо, — сказал он.

Я поняла, что он хочет добавить вопрос, и ждала. Он только положил ложку поперёк пустой миски.

— Муж принёс вам своё заявление, — сказала Нелла после паузы. — Вы обещали разобраться. Потом оно куда-то делось. Я ходила спрашивать, мне отвечали: не поступало. Муж умер прошлой зимой. С сердцем давно мучился. Так что о нём можете записывать сколько угодно, только мне это теперь ни к чему.

Она забрала миски. Я не решилась сказать «ещё не поздно»: не знала ни содержания заявления, ни того, что эти слова могли значить для неё.

— Записывать без вашего разрешения не будем, — сказала я. — Сегодня мы пришли о нас.

Нелла поставила посуду в таз.

— Тогда идёмте наверх. У меня скоро вечерний обход.

* * *

Лестница была крутой, с верёвкой вместо перил. На половине пути я обернулась: Рейн шёл на две ступени ниже. В узком пролёте его лицо оказалось совсем близко.

— Что? — спросил он.

— Ничего.

Я ждала, что тело узнает дорогу раньше головы. Потянется к нужной опоре, обойдёт скрипучую ступень. Но пришлось смотреть под ноги так же, как в любом незнакомом доме.

Нелла отперла дверь.

В верхней комнате пахло чистой мешковиной. Под стеной стояла кровать, застеленная полосатым покрывалом; на ней лежали свёрнутые рыболовные сети. Стол у окна заставили банками с крепежом. Один стул перевернули вверх ножками, на другом сушился моток верёвки.

— После вас тут ещё двое жили. Теперь держу всё для ремонта, — сказала Нелла. — Мебель та же. Только занавески другие.

Я остановилась у порога. Комната была меньше моего бюро. Здесь никак не получалось поселить двух незнакомых людей и не замечать друг друга. Чтобы пройти к умывальнику, пришлось бы обойти кровать; чтобы встать от стола, второй человек должен был подвинуться.

— Мы оба здесь работали?

— Когда не ругались из-за лампы. Одна была на двоих.

Рейн посмотрел на оконную раму. У нижнего края древесина потемнела от сырости, под шпингалетом виднелась старая заплата.

— Дует? — спросил он.

— Теперь опять дует. Раньше вы поправляли.

Он убрал руку, которую протянул к раме.

Мне стало его жалко с неожиданной силой. Обычный вопрос сразу превратился в чужое свидетельство о нём. Даже окно здесь знало, каким он должен быть.

— Не нужно сейчас чинить, — сказала я.

— Я и не собирался.

Нелла перевела взгляд с него на меня, но промолчала. Отодвинула корзину и наклонилась к небольшому сундуку у дальней стены.

Он был деревянным, обтянутым по углам железом. На крышке проступили два светлых прямоугольника: сверху долго лежало что-то, защищавшее дерево от пыли. Замок выглядел старым, но целым.

— Ключ оставили мне. — Нелла сняла его с гвоздя за дверью. — На случай, если придётся перенести вещи. Я пару раз открывала, проверяла, нет ли сырости. Ни бумаг, ни карманов не разбирала.

Она вставила ключ, с усилием повернула. Крышка поднялась не сразу; Рейн придержал её, пока хозяйка освобождала край ткани.

Сверху лежало серое шерстяное одеяло. Под ним — свёрток белья, две рубашки, щётка, жестяная коробка. И пара чашек, завёрнутых в кухонное полотенце.

Нелла поставила их на освобождённый угол стола.

Одна была синей, с толстой ручкой. Другая — белой, с неровным зелёным ободком и маленьким сколом у основа-

ния. Никаких имён. Никаких печатей. Внутри синей остался тёмный след от чая.

— Эту вы привезли, — сказала Нелла мне, показывая на белую. — А синюю купили на рынке. Мои вам казались маленькими.

Я взяла белую чашку. Палец лёг на шероховатый ободок. Он был неудобным, плохо заглаженным; за такую работу я бы сейчас не заплатила.

— Вы уверены, что она моя?

— Вы говорили, её ученик сделал. Пожалели мальчишку, купили. Потом жаловались, что мыть трудно.

Я усмехнулась, не отрывая взгляда от чашки. В этой истории я могла узнать свой характер. Но это всё ещё была история, которую мне рассказали.

Рейн вынул из сундука рубашку. Развернул. На вороте виднелись его инициалы, вышитые грубой ниткой.

— Такая же метка у меня на старом белье, — сказал он. — Из ведомственной прачечной.

Он не приложил рубашку к себе. Аккуратно сложил и положил обратно.

Под одеждой обнаружилась деревянная линейка с выщербленным краем. Её я помнила ещё по ученичеству у Эстер: уронила на раскалённую решётку и выжгла крошечную дугу у пятого деления. Потом считала потерянной.

Я провела по дуге ногтём.

— Это моё.

Рейн посмотрел на меня, и я покачала головой.

— Саму вещь помню. Как принесла сюда — нет.

Он кивнул. Нелла стояла у окна, давая нам место. Она больше не подсказывала, что кому принадлежало.

Я открыла жестяную коробку. Внутри лежали запасные перья, две пуговицы и сложенный лист. Без печати, без нити, без номера дела. Бумага пожелтела по наружному сгибу.

— Можно? — спросила я у Рейна.

Он посмотрел на коробку.

— Не знаю, что это. Посмотрите, кому.

На внешней стороне было написано: «Мире». Его почерком.

Я развернула первый сгиб. Сверху стояли короткая дата и обращение, а дальше начиналась фраза про хлеб. Обычные слова, написанные человеком, который предполагал, что его записку прочтут тем же вечером.

Ни должности, ни фамилии в начале. Ни объяснения, кто такая Мира и почему он ей пишет.

Я сложила лист обратно.

— Мне.

Рейн оставил письмо у меня.

Нелла взглянула в окно.

— Мне надо к затвору. Можете побыть здесь. Внизу дверь только прикройте, не запирайте.

— Мы заберём сундук, — сказала я. — Если вы не против.

— Для этого он и стоял. У соседей есть ручная тележка.

Попрошу одолжить. Только счёт мой оставьте.

Я поблагодарила её и вернула счёт в книгу. Моя выписка с датами лежала в сумке рядом с бумагами Даля. Нелла взяла книгу, спустилась, и вскоре снаружи скрипнул ворот.

Мы остались вдвоём.

Я стояла у стола с письмом в руке. Рейн держал крышку сундука, хотя подпорка уже надёжно вошла в паз.

— Можно отпустить, — сказала я.

Он осторожно убрал ладонь.

За окном шла вода. Комната не ожила, не наполнилась голосами из прошлого. Я видела банки с гвоздями, чужие сети на кровати и человека, с которым познакомилась позавчера.

На столе стояли наши чашки.

Я попыталась представить утро: один из нас проснулся раньше, налил воду, подвинул другому хлеб. Для этого не требовалось торжественного обещания. Нужно было просто знать, где лежит нож и из какой чашки пьёт второй человек.

— Она сказала, мы спорили из-за лампы, — произнесла я.

— Значит, одной нам не хватало.

— Я бы купила вторую.

— Возможно, собирались.

Я посмотрела на него. Впервые мне не понадобилось объяснять, почему от такого ответа хочется плакать.

Рейн подошёл к столу, взял синюю чашку и перевернул, рассматривая донышко. Поставил рядом с белой, не пытаясь их выровнять.

Сегодня в Палате я едва не выбрала, что делать с нашим прошлым, даже не зная о существовании этой комнаты. Здесь оставались две чашки, потерянная линейка и просьба купить хлеб. Всё это тоже предстояло взять с собой.

Я убрала письмо во внутренний карман сумки.

— Давайте завернём их, — сказала я. — По отдельности. Чтобы не разбились по дороге.

Глава 7

Письмо без признаний

Утром сундук занимал половину прохода между приёмной и рабочей комнатой. Чтобы добраться до чайника, я переступила через него боком и зацепилась юбкой за угол.

Вчера мы привезли его на тележке Неллиного соседа. Сам сосед шёл рядом и ворчал на каждую выбоину, будто мы проложили дорогу нарочно, чтобы испортить ему колёса. Рейн помог поднять сундук, заплатил за доставку и ушёл домой. Ключ, который Нелла отдала нам у ворот, остался у меня.

Ночью я дважды просыпалась. Мне казалось, что внизу кто-то ходит. Потом вспоминала: никого нет, только вещи.

Я сняла чайник с огня, налила воду в обычную чашку и поставила её возле найденной белой. На дне ещё оставалась капля после мытья. Я не решилась пить из неё сразу. Это было бы похоже на примерку чужой одежды при хозяине, даже если хозяином считалась я сама.

Письмо лежало в сумке, куда я убрала его у Неллы.

Теперь можно было прочитать.

Я достала лист, расправила на столе. Вчера мне хватило нескольких слов, чтобы сложить его обратно. Всю дорогу я представляла продолжение. Там могло быть объяснение, обещание, просьба простить. Что-нибудь, что сразу поставит

ло бы нынешнюю меня в неловкое положение перед прежней.

Ничего такого в письме не оказалось.

«Мира,

купи хлеб по дороге, если лавка ещё открыта. Не бери тот, который тебе уступают за полцены из жалости: у нас осталась вчерашняя половина, ею уже можно подпирать дверь.

Я вернусь позднее. Суп в маленькой кастрюле, съешь без меня. Большая течёт, Нелле пока не возвращай, я обещал запаять.

Твоё перо нашлось за ножкой кровати. Оно никуда не ушло из-за дурного обращения, как ты предполагала. Я положил его в коробку.

За окно сегодня не берусь: дождь. Не подкладывай под раму бумаги, они промокают, а потом ты пытаешься их спасти и сердишься на погоду. Тряпка под умывальником.

С лампой ты права. Завтра посмотрим вторую. Но ту, в виде лебедя, я носить домой отказываюсь.

А.

И оставь мне яблоко. Вчерашнее разделение на „большую половину“ и „ту, которая тебе досталась“ я обдумал и не одобряю».

Я прочла письмо ещё раз, уже медленнее.

Человек, написавший его, знал, какой хлеб я покупала, куда могла засунуть бумагу и почему со мной бесполезно спорить об яблоках. Он не сообщал, что скучает. Он собирался

вернуться, починить кастрюлю и на следующий день купить лампу.

У письма не было свидетелей. Никто не заверил обещание оставить мне суп.

Я провела пальцем над последней строчкой, не касаясь чернил. У него вышла неровная буква: перо зацепилось за волокно, и он продолжил, не исправляя. В служебных образцах таких следов почти не было.

На улице выкрикнули цену свежей рыбы. Хлопнула дверь соседней мастерской. Я услышала Лидино раздражённое «К обеду, я же сказала» и почему-то улыбнулась.

Потом улыбка пропала.

Мне нравился человек, который написал это письмо. Я ничего не знала о том, как он вёл себя на следующий день. Действительно ли купил лампу. Сдержал ли обещание вернуться вовремя хотя бы когда-нибудь. Но уже была готова оправдать его заранее.

Я сложила лист по старым сгибам. На внешний конверт его не хватало — только несколько оборотов бумаги вокруг собственных слов. И всё же три года они пролежали в коробке целыми.

* * *

Рейн пришёл, когда я вынимала из сундука бельё.

Он остановился на пороге и посмотрел на две вымытые чашки.

— Доброе утро.

— Доброе. Закройте дверь, пожалуйста, здесь сквозняк.

Он закрыл и снял сюртук. Я ждала, что спросит о письме. Рейн вместо этого поднял с пола край одеяла, который я не заметила, и переложил на спинку стула.

— Вы уже разбираете?

— Хочу осмотреть дно, прежде чем ставить сундук у стены. Снизу есть ржавчина. Если заведётся сырость, Лида будет права до конца моей жизни.

— Она уже что-то сказала?

— Ещё не видела. Но будет права.

Я отложила рубашку с его инициалами отдельно. Вторую пока не могла уверенно приписать никому: она была слишком свободной для меня, но могла оказаться рабочей. Рейн присел у сундука и проверил нижнюю петлю.

— Сюда вода не попала. Железо снаружи ржавое, дерево сухое.

— Хорошо.

Я снова посмотрела на письмо. Оно лежало на краю стола, видное с порога.

— Вы не хотите спросить?

Рейн проследил за моим взглядом.

— Хотел. Но оно адресовано вам.

— Вы его написали.

— Тогда я уже должен знать, что там.

Он произнёс это сухо, но без улыбки. Я тоже не улыбнулась. Между нами вдруг оказалась простая несправедли-

вость: я могла прочесть его слова, а он зависел от того, захочу ли я показать.

Я взяла письмо.

— Там про суп и лампу. И про яблоко, которым я неправильно поделилась. Прочтите.

Он вытер руки чистой тканью, прежде чем взять лист. Читал стоя. На строчке о пере чуть поднял брови, а в конце ненадолго задержался.

— Что?

— Большая половина.

— Я умею делить яблоки.

— Видимо, очень хорошо.

На этот раз мы улыбнулись оба.

Рейн вернул письмо. Я ожидала, что он станет сравнивать почерк или скажет что-нибудь о прежних отношениях. Но он посмотрел на сундук и спросил:

— Куда убрать рубашки?

Я почувствовала облегчение, а следом обиду. Он словно слишком легко позволил нам вернуться к вещам.

— На стул. Пока.

Он взял рубашки. Я остановила его, не успев решить, надо ли.

— Вам это совсем ничего не говорит?

Рейн положил свёрток и повернулся.

— Говорит. Но я не знаю, что вы хотите услышать от меня сейчас.

Я посмотрела на край стола. Там лежали два пера, короткая линейка и ключ. Всё хотелось сдвинуть в один ряд.

— Что это действительно ваше письмо.

— Почерк мой. Манера тоже, насколько я могу судить. А самого вечера не помню.

— Я понимаю.

— И всё равно неприятно.

Я кивнула.

Он помолчал.

— Мне тоже. Я прочёл, как собирался вернуться к вам. И не могу сказать, вернулся ли тогда.

За стеной Лида стукнула чем-то тяжёлым. Кто-то в лавке наверху рассмеялся. День шёл своим чередом, хотя мы стояли посреди бюро и не знали, что делать с обещанием купить лампу.

— Не нужно отвечать за всё сразу, — сказала я.

Я говорила это ему. Себе тоже.

Рейн потянулся к свёртку.

— Тогда начнём с рубашек.

* * *

На дне остались щётка, полоска холста и несколько мелочей, высыпавшихся из коробки. Я собрала пуговицы в блюдце. Одну пришлось доставать из щели у стенки; она зацепилась за подкладку и потянула за собой край ткани.

Под ним что-то белело.

Я сначала приняла это за старую бумагу, которой мастер

выравнивал дно. Но подкладка отходила только на небольшом участке. Дальше её держал шов.

— Подождите, — сказала я.

Рейн перестал складывать одеяло.

Я поставила лампу на низкую скамью, чтобы свет падал внутрь, и приподняла свободный край тупым концом пинцета. Под тканью обнаружился плоский пакет, пришитый к боковому припуску. Не случайно провалившийся. Спрятанный.

— Бумага? — спросил Рейн.

— Кажется. Не тяните за подкладку.

Я сама едва удержалась, чтобы не потянуть. Вчера мы целый день ходили за сведениями, которых нам не давали. Теперь неизвестный кусочек бумаги лежал в моём собственном сундуке, в двух пальцах от руки.

На края пакета приходилось несколько стежков. Нить потемнела вместе с тканью. Один стежок лопнул возле железной скобы — там и отошла подкладка.

Я оставила пинцет.

— Позову Лиду. Она снимет, не разорвав.

— Дверь придержать?

— Лучше сундук не двигать.

Лида пришла с иглой, всё ещё зажатой в вороте платья. Остановилась, увидев разложенные вещи, и посмотрела на меня.

— Вы переезжаете?

— Наоборот. Это из старого жилья.

— Удобно. Обычно старые вещи хотя бы знаешь, куда девать.

Она вынула иглу из воротника и присела возле сундука.

Я коротко рассказала про Неллу, комнату и ткань. Лида ничего не спросила о том, на какой кровати мы спали. Сначала проверила крепление подкладки, затем попросила подать ей маленькие ножницы.

— Это вскрывали раньше? — спросила я.

— Я вижу отдельный шов. Основная подкладка посажена на клей и прихвачена к дереву, а здесь сделали карман. Когда — по одному взгляду не скажу.

Она указала на оборванную нить.

— На дороге могло тряхнуть. Или вы сегодня зацепили. Сам пакет пока цел.

Рейн подвинул скамью так, чтобы ей не приходилось заслонять свет плечом. Лида подрезала два стежка, подхватила оставшиеся и вынула узкий конверт из плотной бумаги. Лоскут с нитками оставила на месте.

— Не надо всё разбирать, — сказала она. — Сначала посмотрите, ради чего шили.

Я подложила чистый лист. Конверт лёг на него почти невесомо.

Внутри была жёсткая пластинка. Её углы прощупывались через бумагу. На клапане стояла маленькая восковая печать, а на лицевой стороне — две фамилии и номер.

Вель. Рейн.

З-73.

Я перечитала номер. Не тот, который мы видели на брачной регистрации. Тот, под которым хранились наши закрытые свидетельства.

— Лида, сколько я тебе должна?

Она подняла на меня глаза.

— Сначала вдохни. Потом посчитаем.

Я послушалась. Это оказалось труднее, чем прочесть фамилии.

* * *

На обороте конверта мелким почерком было написано:

«Контрольная отметка 1. Для вкладчиков. Действительна после проявления уведомления. Указания внутри. Э. Ноль».

Я не сразу показала оборот остальным. Большим пальцем закрыла подпись и задержалась так на секунду дольше, чем нужно.

Вчера Даль говорил об ошибках составителя. До этого я знала Эстер как человека, который никогда не разрешал мне работать с клятвой, не объяснив её условий. А теперь держала ещё один предмет, приготовленный ею для той меня, которая согласилась всё забыть.

Я повернула конверт.

— Здесь подпись Эстер.

Рейн прочёл. Лида тоже наклонилась, но не коснулась бумаги.

— Ты узнаёшь почерк? — спросила она.

— Похож. Особенно сокращение имени. Но я хочу сравнить.

У меня сохранилась её старая расписка о переданных инструментах. Она не имела отношения к браку или закрытому свидетельству; это была обычная бумага из тех лет, когда я ещё не владела бюро. Я достала её из папки с документами об обучении.

Наклон букв совпадал. Короткая черта над сокращением, широкий нижний поворот у «Н». Этого хватало, чтобы продолжить проверку, но не чтобы приложить находку к запястью.

— Откроем? — спросил Рейн.

Нить через бумагу не проходила: воск только запечатывал клапан. Конверт можно было вскрыть без последствий.

— Да. Сначала прочтём указания.

Я надрезала бумагу сбоку, сохранив печать целой. Изнутри выскользнул сложенный лист и маленькая пластинка в тонкой восковой оболочке. На её поверхности виднелись три короткие поперечные насечки, первая заполненная тёмной нитью.

Рейн подставил чистое блюдце. Я опустила пластинку туда, не касаясь метки на руке, и развернула лист.

Это не было письмом.

Эстер написала рабочую инструкцию: сжатую, неровную, с исправленным словом на полях. Наверху стоял номер З-73.

Под ним — «Частичный диагностический доступ. Всего три отмеченных эпизода».

Ниже пояснялось: каждая контрольная отметка открывает только соответствующий ей эпизод из описи. Остальные остаются закрытыми до срока или отдельной предусмотренной процедуры. Саму отметку можно проверить по открытому слою до применения. Для восстановления участник должен лично подтвердить согласие и совместить её со своей уведомительной меткой по указанной схеме. Чужое согласие не заменяет его собственного.

Я прочла последние строки вслух:

— «Восстанавливается собственное восприятие вкладчика. Предположения, услышанные слова и непосредственно увиденное различать при записи. Не принимать неполноту эпизода за отсутствие события».

Лида нахмурилась.

— То есть можно вспомнить, но всё равно не понять?

— Можно вспомнить, как тогда понимала, — ответила я. — А тогда я тоже могла ошибаться.

Я знала эту интонацию Эстер. Она требовала, чтобы я подписывала на учебных рисунках не «трещина», а «похоже на трещину», пока не проверю оттиск с другой стороны.

На обороте помещалась схема. Рабочая поверхность отметки, направление нити, положение руки. Отдельно — как проверить номер, не открывая эпизод. Эта часть была знакомой: чтение доступного слоя через промежуточный слепок,

без контакта с живой меткой.

Я могла это сделать.

От мысли стало легче, но только на мгновение. Дальше в схеме шло то, чего я не делала ни разу: возвращение собственного воспоминания из защитного вклада.

— Здесь сказано, что будет в первом эпизоде? — спросил Рейн.

Я снова посмотрела на лист.

— Нет. Только номер отметки и порядок проверки.

— Тогда проверяем его.

Лида поднялась.

— Мне нужно закончить чужой переплёт. За шов заплатишь потом, когда я принесу счёт. Если опять понадобится что-то вырезать, сначала позови, не исправляй последствия.

Я поблагодарила её. У двери она обернулась.

— И поешьте до того, как начнёте вспоминать. По лицам видно, что потом не вспомните.

* * *

Я расчистила рабочий стол. Сундук оставался открытым, но теперь не тянул к себе взгляд: всё важное лежало в блюдце.

Рейн хотел передвинуть блюдце ближе к окну. Я остановила его.

— Не саму пластинку. Сначала накроем.

Он положил рядом лист тонкой бумаги и дождался, пока я защищу восковую поверхность. Потом передвинул блюдце

вместе с ним.

Я поставила между нами оптическую рамку. Приготовила медную пластину для промежуточного оттиска, проверила, чист ли инструмент. Рука слегка дрожала. Я отложила его и подождала.

— Можно позже, — сказал Рейн.

— Сейчас я только читаю номер. Это знакомая работа.

— Вы всё равно можете сделать её позже.

Я посмотрела на него поверх рамки. Он не касался ни блюдца, ни схемы. До меня наконец дошло: находка не исчезнет, если я потрачу минуту на то, чтобы перестать спешить.

Я съела кусок хлеба, выпила воды и начала заново.

Слой оказался целым. Мне не пришлось восстанавливать утраченные линии или искать нужный знак среди трещин. Под линзой проступили регистрационный номер, две строки имён и обозначение отметки. Я записала всё, затем сравнила с конвертом и нашей выпиской.

З-73. Мира Вель. Адриан Рейн. Первая из трёх.

Это ещё не говорило, что Эстер во всём права. Но находка действительно была оформлена для нашего вклада. Её не нужно было ни переделывать, ни приспосабливать к меткам силой.

— Совпадает, — сказала я.

Рейн прочёл мою запись.

— Сколько таких отметок у нас есть?

— Одна. И из неё нельзя получить остальные два эпизода.

— Где искать другие?

— Здесь не написано.

Он сел. Я сняла рамку и накрыла пластинку.

Обычно удачная проверка приносила облегчение: я знала, что делать дальше. Сейчас она лишила меня последней причины отложить выбор.

Я могла вспомнить.

Один эпизод, оставленный прежней мной доступным до конца срока. Рабочий или личный — я не знала. Ничто не обещало, что он мне понравится.

Письмо лежало рядом со схемой. Рейн заметил мой взгляд.

— Хотите убрать?

Я покачала головой.

— Боюсь, что буду ждать от воспоминания именно этого человека.

Он посмотрел на сложенный лист.

— А там могу оказаться я в плохом настроении.

— Или я.

— Это тоже возможно.

Я коротко рассмеялась. Страх не прошёл, зато перестал занимать всю комнату.

Рейн придвинул к себе чистую бумагу.

— После запишем каждый своё. Прежде чем рассказывать друг другу.

— Чтобы не смешать увиденное с чужим рассказом.

— Да.

Я достала второй лист. На обоих поставила дату и номер отметки. Мы ещё не договорились, что будем участвовать, а я уже приготовила место для результата. Заметив это, я положила перо.

— Я хочу попробовать, — сказала я. — Вы можете сначала подождать.

Рейн посмотрел на покрытое блюдце.

— Я тоже хочу. Но начнём по очереди. Если одному станет плохо, второй сможет помочь.

В указаниях не было требования открывать эпизоды одновременно. Я проверила эту строку ещё раз, затем показала ему.

— Согласна. Я первая. Саму отметку после чтения уберём отдельно, пока я не смогу сказать, что со мной всё в порядке.

Он кивнул.

Я закрыла приёмную. На табличке написала, что вернусь к работе после полудня, и заперла входную дверь. Лида знала, что мы здесь; ключ оставался в замке изнутри, задвижку я не трогала.

Когда я вернулась к столу, Рейн уже отодвинул стул так, чтобы я могла удобно опереться спиной. Рядом стоял стакан воды. Никаких жестов человека, которому обещали вернуть жену. Он просто освободил место для работы.

Я села и закатала левый рукав.

Впервые с появления метки я собиралась прикоснуться к ней не ради имени, номера или чужой подписи.

Мне предстояло узнать, что видела я сама.

Глава 8

Первый фрагмент

Я сняла бумагу с блюдца и взяла контрольную отметку. Она была легче монеты. За всё утро я успела придать ей такой вес, что теперь удивилась.

Рейн положил передо мной схему. Не стал читать её вслух: я сама знала, на какой строке остановилась.

— Готова, — сказала я.

Я назвала своё имя, номер вклада и подтвердила согласие на открытие первого отмеченного эпизода. Затем совместила рабочий край пластинки с нитью на левом запястье, как показывал рисунок.

Несколько секунд ничего не происходило.

Мне даже стало стыдно за стакан воды, за закрытую приёмную, за то, как пристально Рейн смотрел на мои руки. Потом кожа под пластинкой потеплела. Звук со двора исчез, хотя окно оставалось открытым.

Я успела почувствовать под пальцами край стола.

И вспомнила другой.

* * *

Стол качался. Под короткую ножку засунули сложенный лист, но он отсырел и больше не помогал. Каждый раз, когда человек напротив опирался на доску, чернильница съезжала

ко мне.

Я стояла, потому что второй стул был занят его женой. У женщины на коленях лежала полотняная сумка. Из неё торчала ручка деревянной ложки.

Низкий зал пах мокрой одеждой и варёной капустой. Вдоль стены сидели люди с узлами и папками. Кто-то у дверей требовал, чтобы впустили следующего. В углу плакал ребёнок, но я не поворачивалась: смотрела на два листа перед собой.

Один был старым, заляпанным по краю. Другой — новым, ещё с отчётливыми линиями от сгиба.

— Здесь написано не то же самое, — сказала я.

Мужчина напротив потеребил ворот. У него были широкие плечи, седая щетина и синее пятно на ногте большого пальца. Я тогда решила, что это краска.

— Мне сказали, переписали начисто. В старом ошибка.

— Какая?

— Не объяснили. Только сказали подписать у заверителя, чтобы закончить дело.

Справа от меня стоял Рейн. Я видела его профиль, руку на краю стола и незнакомый жилет с потёртой пуговицей. Он был моложе на три года, но это знала нынешняя я. Тогда я думала только о том, что он опять не дочитал до конца.

— Внешняя форма заменена, — сказал он. — Нужно запросить основание исправления. По одному экземпляру мы не установим, что находится при подлиннике.

— У меня два экземпляра перед глазами.

— Один из них не подписан.

— Пока.

Я повернула новый лист к нему и показала строку.

На старом было написано: «воспоминание о выходе из дома в ночь аварии». На новом — «воспоминания о пребывании в Нижнем шлюзе в месяц аварии».

Больше я не видела. Нижнюю часть закрывала рука мужчины, а сверху стояла чернильница. Нынешняя я хотела разглядеть весь документ, прочесть номер, увидеть подпись заверителя. Но тогда мой взгляд был прикован к двум словам: «ночь» и «месяц».

— Это другой объём, — сказала я. — Он соглашался на одно событие. Теперь ему предлагают отдать всё, что происходило за месяц.

— Я согласился не на это, — произнёс мужчина.

Жена положила руку ему на локоть.

— Терен, покажи ей письмо.

Он достал из внутреннего кармана короткую записку с печатью. Я взяла её.

«Явиться для устранения технического несоответствия в приложении к переселенческому соглашению».

Ниже шли день и час. Я прочла их тогда, но сейчас они не складывались в отчётливые цифры. Я торопилась и сразу перевела глаза на последнюю строку: непредставление исправленного приложения задерживало окончательный расчёт.

— Вы уже получили деньги? — спросила я.

— Часть. Остальное обещали после проверки. Нам за комнату платить надо.

— Ключи от нового жилья выдали?

— Выдали. Только там ещё семья. Нам велели пока подождать.

Женщина подтянула сумку на коленях. Ручка ложки стукнула о край стола. Чернильница снова поползла, и Рейн придержал её.

Я помнила, как разозлилась. Не на чернильницу.

— Если вы это подпишете, у вас могут закрыться воспоминания, которых в первом перечне не было. Это не исправленная буква в фамилии.

Мужчина отодвинул новый лист.

— Тогда не пойду.

— Пойдёте, — сказала я слишком быстро. — Но с возражением.

Он посмотрел на жену.

Рейн убрал ладонь с чернильницы.

— Мира. Сначала объясните ему варианты.

— Я объяснила.

— Вы сказали, что ему делать.

Я повернулась к нему. Мне не понравилось, что он произнёс это при клиентах. Ещё меньше понравилось, что он был прав.

У двери опять повысили голос. Кто-то просил пропустить

без очереди, потому что лодка уходила в полдень. Я подождала, пока шум стихнет, и вернулась к мужчине.

— Если вы не явитесь, они могут задержать расчёт, как написано здесь. Если придёте с возражением, должны будут хотя бы принять вашу позицию, но я не могу обещать быструю выплату. Подписывать новый перечень до разъяснения я не советую. Решать вам.

— А вы со мной пойдёте? — спросил он.

Я открыла рот, но Рейн ответил раньше:

— Я смогу прийти к назначенному часу. Если вы этого хотите.

Он достал записную книжку и показал мужчине свободную строку.

— Имя и где вас найти, если время изменят.

— Терен Восс. Красильный проезд, шесть. Старый красильный двор. Только там с улицы не войти, ворота заколочены. Через арку за колодцем. Мы над сушильней, пока комнату не освободят.

Женщина поправила:

— Колодец сухой. Там ведро висит, не подумайте, что пить можно.

Рейн записал. Я заметила, что он оставил между строками место для уточнений. Тогда это почему-то раздражало меня: будто у него впереди был целый день, а у меня только этот шаткий стол и очередь до двери.

— Заявление у вас уже есть? — спросил он.

Терен вынул ещё два листа. На верхнем кто-то поставил отметку о приёме. Жена тут же потянулась к нему.

— Это наш. Не отдавай опять.

— Я только покажу.

Рейн не взял бумагу из его рук. Наклонился, прочёл начало. Я смотрела на другую сторону стола и видела лишь край штампа.

— Копию сохраните, — сказал он. — Я приду к вам завтра. До встречи у заверителя успеем посмотреть всё спокойно.

— Вы точно придёте?

— Приду.

Терен опустил плечи. Это было едва заметное движение, но я его увидела. До тех пор он держался так, словно ждал, что у него в любую минуту вырвут папку.

Я взяла чистый лист и начала писать возражение против замены описания залога. Сначала получилось: «Я не согласен с предлагаемой редакцией». Потом я спросила Терена, почему он не согласен, и записала его ответ.

«Мне объясняли одно воспоминание. Теперь здесь целый месяц».

Он наклонился ближе, чтобы прочесть. Стол покачнулся.

Рейн присел, вынул мокрую бумагу из-под ножки и подложил деревянный клинышек, найденный на подоконнике. Чернильница перестала ездить.

Я посмотрела на него. Он поднялся и отряхнул ладони.

— Теперь можно писать, — сказал он.

Я хотела ответить.

* * *

Вместо ответа я вдохнула так резко, что закашлялась.

Передо мной стоял ровный стол. Вода в стакане дрогнула. На запястье лежала пластинка, а под ней белела моя метка.

Я убрала отметку сама. Рейн придвинул блюдце, дождался, пока я положу её, и накрыл чистой бумагой.

— Вы здесь, — сказал он. — В бюро.

Я кивнула, но кашель не сразу отпустил. Глаза слезились. Мокрой капустой больше не пахло; из соседней комнаты тянуло чаем и древесной пылью.

— Воды?

Я взяла стакан. Рейн придержал снизу, пока пальцы не перестали скользить.

— Сколько? — спросила я.

— Меньше двух минут.

Там я успела прочесть документы, разозлиться, поспорить и начать заявление. Здесь едва сдвинулась стрелка.

Рейн подождал, пока я поставлю стакан.

— Сможете записать?

Я взяла перо.

Первым написала имя: Терен Восс. Потом адрес. Боялась, что они уйдут так же, как ненужные цифры на вызове к заверителю.

Они не уходили.

Я закрыла глаза и снова увидела неподвижную чернильницу, мужчину с синим пятном на ногте. Открыла — всё осталось со мной. У этого куска моего прошлого были края, за которые я не могла заглянуть.

Я записала формулировки. Под одной поставила помету: «Старый лист». Под другой: «Неподписанная замена». Отдельно — вызов с угрозой задержать расчёт. Дату вызова оставила пустой.

Рейн сидел рядом молча. Ни разу не спросил, что я увидела.

Последней я записала историю с клином под ножкой стола. Для дела она была бесполезна. Я оставила её.

— Готово, — сказала я.

— Как вы себя чувствуете?

— Как будто долго стояла в душной комнате. Голова немного тяжёлая. Но я здесь.

Он посмотрел на мою руку. Я раскрыла ладонь: дрожь почти прошла.

Мы подождали ещё немного. Я сложила запись текстом внутрь и отодвинула к своему краю стола.

— Вы по-прежнему хотите?

— Да.

Я проверила поверхность отметки. Она не треснула, нить осталась на месте. Затем поменялась с Рейном стульями и положила схему так, чтобы он мог прочесть её сам.

Он назвал имя и номер, подтвердил согласие и приложил

пластинку к левому запястью.

Я увидела, как у него напряглась челюсть. Потом взгляд перестал задерживаться на предметах. Он сидел прямо, ладонь лежала на столе. Только большой палец медленно двигался, будто придерживал страницу.

Я смотрела на часы и старалась не угадывать, какую строчку он сейчас читает.

Когда Рейн вернулся, то первым делом потянулся к карману за записной книжкой. Остановился на полпути, посмотрел на меня.

— Здесь лист, — сказала я.

Он убрал пластинку, выдохнул и взял перо.

Я не заглядывала через плечо. Ушла к окну, но осталась достаточно близко, чтобы услышать, если он позовёт.

С улицы донёсся стук колёс. В этот раз я знала, где нахожусь.

* * *

Мы обменялись записями, когда Рейн закончил.

В его строках тоже были Терен Восс и Красильный проезд, шесть. Старый красильный двор, проход за сухим колодцем, жильё над сушильней. Он запомнил адрес, глядя в свою книжку; я — услышав разговор. Теперь обе записи совпали.

Они не совпадали во всём.

Рейн помнил женщину у дверей, которая просила его задержаться и посмотреть ещё одно заявление. Я не видела её лица. Я запомнила ложку в сумке, а он — повязку на за-

пястье Терена. Новую редакцию приложения он прочёл после того, как я повернула лист. Старую видел хуже и не стал воспроизводить дословно.

Зато начало заявления с отметкой о приёме осталось у него отчётливым:

«Прошу проверить запись о приёмке материалов для ремонта малого затвора. Моё имя внесено в неё без моего присутствия».

Ниже Рейн написал: «Продолжение не прочёл. Номер регистрации не удержал. Подлинник в эпизоде не видел».

Я подняла голову.

— Он работал на ремонте?

— Из этих слов не следует. Его могли вписать как приёмщика, свидетеля или получателя. Я не успел дочитать.

Я снова посмотрела на лист. Авария, ремонт, неизвестная запись с чужим именем. Затем человеку предлагали заменить одну ночь на целый месяц в залоге памяти.

Это могло быть связано. Но между двумя событиями пока лежала только наша догадка.

— В моём фрагменте его жена велела не отдавать копию, — сказала я.

— В моём тоже.

— Значит, у них было хотя бы что-то с отметкой о приёме.

— Тогда было.

Три года поместились в одном коротком слове.

Я положила записи рядом. Один стол, один разговор, а у

каждого сохранилось своё. Даже теперь, когда доступ вернулся, я не могла прочесть то, чего не прочла в тот день.

Мне хотелось ещё раз приложить отметку и заставить себя посмотреть ниже. Желание было почти физическим: я уже знала, на какую бумагу нужно обратить внимание.

Но это было воспоминание. Я не могла вернуться туда с нынешним знанием и повернуть голову по-другому.

— Я запишу отдельно, что мы предполагаем, — сказала я. — Чтобы потом не принять это за увиденное.

Рейн придвинул третий лист.

Я написала: «Возможная связь расширения залога с заявлением о приёмке материалов». Ниже добавила вопрос: «Что произошло после назначенной встречи?»

Перо оставило слишком жирную точку.

— Вы обещали прийти, — сказала я.

— Да.

— Мы пока не знаем, пришли ли.

— Не знаем.

Он перечитал собственную запись. Пальцы держали край листа так крепко, что бумага выгнулась.

— Но он ждал меня.

Я вспомнила, как опустились плечи Терена. Не рассказ Неллы, не подпись в старой книге. Теперь я сама видела человека, который поверил Рейну.

— Пойдём по адресу, — сказала я.

Рейн кивнул. Потом расправил лист и положил его на

стол.

* * *

До полудня оставалось немного. Я завернула отметку в чистую бумагу, вложила в исходный конверт, а конверт вместе со схемой — в небольшую коробку. На крышке написала номер и наши имена.

Одну из трёх мы нашли. Один эпизод вернулся. Свадьба, жизнь в комнате Неллы и решение о закрытии памяти оставались за тем же глухим промежутком.

Я попробовала вспомнить, что было перед разговором с Тереном. Как мы вошли в зал, на какой улице он находился. Ничего. После клинышка — тоже ничего. Только эта сцена теперь принадлежала мне и не исчезала, когда я убирала отметку подальше.

Рейн прочёл инструкцию ещё раз.

— Нам не нужно носить её с собой?

— Воспоминание уже доступно. А если потеряем пластинку, другого эпизода это не откроет.

Я заперла коробку в шкафу. Конверт с полоской № 926 по-прежнему лежал отдельно, в нижнем ящике. Сегодня мне не хотелось собирать все наши улики в одном удобном месте.

Мы сделали ещё по одной копии своих записей. Оригиналы оставили в бюро, копии взяли с собой. Я переписала адрес крупно на отдельный листок, хотя уже знала его наизусть.

В приёмной было прохладнее. Я открыла ставни шире и увидела в отражении стекла лицо Рейна. Он стоял у стола,

на котором лежало его старое письмо.

— Вы меня поправили, — сказала я.

Он посмотрел на меня.

— В той комнате. При Терене. Сказали, что я решаю за него.

— Вы дали ему выбрать.

— После того, как рассердилась на вас.

— Я заметил.

Я повернулась от окна.

— И вы там тоже сначала не хотели верить, что исправление может быть подменой.

Он помолчал.

— Я хотел увидеть основание. До того, как обвинять людей.

— Я понимаю. Но пока бы мы его ждали, Терену пришлось бы выбирать между деньгами и месяцем жизни.

— Да.

На этот раз он не добавил оговорки. Я тоже не стала продолжать спор, который уже однажды произошёл.

Тогда я злилась на его осторожность. Он останавливал мою уверенность. А человек напротив ждал, когда ему наконец дадут деньги на комнату.

И всё же в конце стол перестал качаться, а заявление было написано словами Терена.

— Спасибо за клинышек, — сказала я.

Рейн посмотрел на ножки моего стола.

— Этот вроде стоит ровно.

— Я про тот.

— Знаю.

Он улыбнулся, и я впервые увидела сходство между ним нынешним и тем, который поднялся с пола в душном зале. Не внезапное чувство и не доказательство любви. Просто один и тот же человек, всё ещё умевший заметить, что мешает работать.

Я взяла сумку.

На пороге Рейн остановился.

— Если его там уже нет, спросим, куда переехал.

— А если он нас не захочет видеть?

— Оставим возможность ответить. Не будем требовать.

Я перевернула табличку и написала время возвращения позже, чем собиралась утром. Затем заглянула к Лиде: сказала, что проверяем адрес из первого эпизода, и попросила передать клиентам, что сегодня приму их ближе к вечеру. Она подняла голову от пресса.

— Получилось?

— Один разговор. Рабочий.

Лида посмотрела на нас обоих.

— Уже что-то. Ключ не потеряй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.